

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ Р. АЙ-ЛИЯ (по материалам исследований 2005 г.)

Объект расположен примерно в 1,2 км к юго-востоку от села Малый Маяк (Алуштинский горсовет), на берегу Черного моря, между мысами Камыш-Бурун (под горой Кагель, на некоторых современных картах – «Маячный») и Карабах-Бурун, на высоте 0-60 м н.у.м., на левом берегу реки Ай-Лия (Ла-Илья, Кара-Узень), на крутом юго-восточном (прибрежном) склоне южного отрога холма Халикин-Тепеси (часть хребта, отделяющего долину реки Ай-Лия от балки Цикурнын-Дере), у северной границы территории детского оздоровительного лагеря «Кагель» (рис. 1: I).

Первые сведения о древностях приустьевой части долины реки Ай-Лия содержатся в материалах Бахчисарайского горного отряда Тавро-Скифской экспедиции ИИМК АН СССР и ГМИ им. А.С. Пушкина, которым в 1947 г. осуществлялась разведка по побережью от г. Алушта до мыса Карабах-Бурун. Старший научный сотрудник ГИМ Е.В. Веймарн, руководивший исследованиями, отмечает: «... В том месте, где в море впадает ... ручей Ла-Илья, на левом берегу ..., в обрыве обращенном к морю вышли культурные слои. Толщина слоя ... 0,25-0,60 м... Внимательный осмотр всей балки ручья Ла-Илья показал, что вся эта балка в средневековую пору была обитаема. Но это не было компактное поселение. Остатки жилья разбросаны по всей балке. Видимо это были небольшие хутора. Характерными находками здесь были обломки плоской глиняной кровельной черепицы и небольшое количество обломков красноглиняных сосудов. В единичных случаях попадались обломки поливной средневековой посуды. Остатков строений не встречено...» (Веймарн 1947а: 52-53; 1947б: 23; Веймарн, Кацур 1952: № 65). В процессе работ было сделано несколько видовых фотоснимков. На одном из сохранившихся в архиве контрольных отпечатков изображен вид с юга на центральную часть памятника. На фотографии видно, что в 1947 г. основным элементом ландшафта здесь был крутой задернованный склон, покрытый луговой растительностью (Контрольный фото-альбом... 1947: № 175). В 1969 г. археологическая разведка на территории между г. Кагель и м. Карабах-Бурун проводилась Южнобережным отрядом Отдела античной и средневековой археологии Крыма. Отчет о них составлен научным сотрудником Ялтинского краеведческого музея Ю.Н. Скобелевым. Исследователь дает краткое описание 10 археологических объектов, обнаруженных им в этом районе. Среди них поселение возле пионерского лагеря «Кагель». В отчете содержится следующая информация. «Поселение находится на склоне холма, у берега моря, возле пляжа пионерлаге-

ря «Кагель». В срезе грунта на склоне, периодически подмываемом морем, попадаются обломки черепицы и фрагменты стенок средневековых сосудов. Часть поселения, по всей видимости, уничтожена оползнями и новыми постройками пионерского лагеря «Кагель» (Скобелев 1969: 3).

В 2005 г. разведочным отрядом Горно-Крымской экспедиции КФ ИА НАНУ на поселении производилась шурфовка (Лысенко, Тесленко 2005: 34-44, 124-157, рис. 114-152). К этому времени естественный рельеф склона, занимаемого объектом, был существенно изменен в результате масштабных земляных работ 70-80-х гг. XX в. В его центральной части располагалась обширная террасовидная площадка (размером 100×30 м) и 3 террасы (шириной до 5 м и длиной до 90 м каждая), вытянутые по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. От берега к террасовидной площадке и от нее далее вверх (вдоль юго-западных краев террас), проложена грунтовая дорога. Видимые на современной дневной поверхности сохранившиеся культурные напластования отмечены в верхней части бровки дороги, на краю террасовидной площадки и на расположенном под ним участке крутого склона.

Для проведения шурфовки была выбрана верхняя часть берегового обрыва, где над обнаженной алевролитово-аргиллитовой скалой располагался выход культурных отложений (шириной до 5 м, мощностью не менее 1 м), содержащих крупную морскую гальку, многочисленные обломки керамических сосудов и створки морских моллюсков.

Первоначально на краю террасовидной площадки и на нижележащем склоне была поставлена стратиграфическая траншея (длиной 10 м, шириной в среднем 1,2 м), ориентированная вдоль склона (по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток). Впоследствии, для исследования большего объема наиболее информативной части выявленных культурных напластований, к юго-восточному краю траншеи прирезан небольшой участок трапециевидной в плане формы (размером 1,6×1,9 м) (рис. 1: II).

Стратиграфия, архитектура, находки

Общая мощность культурных отложений на исследованной территории достигала 3,7 м (1: IV). В их структуре прослежены руины одного архитектурного сооружения и 14 слоев, подразделяющихся на 3 группы.

В **группу I** (общая мощность – до 2,2 м) объединены напластования, образовавшиеся в результате современных земляных работ и не имеющие прямого отношения к археологическому объекту (рис. 1: IV –

слои №№ 1, 2, 3, 7). В них найдены отдельные фрагменты средневековой керамики, переотложенные с территории поселения (рис. 5: 1–11, 13; 6: 1–2; 9: 18).

В наиболее сложную **группу II** (общая мощность – до 1,4 м) входят отложения, связанные с функционированием и разрушением средневековых архитектурных объектов (рис. 1: IV – слои №№ 4, 5, 5', 6, 8, 9, 11, 12)¹. Остатки одного из этих сооружений, сохранившиеся *in situ*, вскрыты в юго-западной (верхней) части траншеи, на краю террасовидной площадки. Это ориентированная поперек склона кладка (№ 1) шириной 1,75 м, сохранностью не менее 0,55 м (2 ряда), сложенная из довольно массивных камней (в частности, крупной морской гальки) на глине. Кладка однослойная (забутовка не выражена), сохранившаяся её часть сложена в иррегулярной технике (рис. 1: III, IV). Определить характер постройки, исследованной на небольшой площади, довольно сложно. Возможно, это какая-либо вымостка или остатки сильно разрушенной стены – конструктивного элемента здания или ограды. Стратиграфическая ситуация по разные стороны от кладки различна.

К юго-западу от стены прослежены культурные напластования незначительной мощности с небольшим количеством археологического материала. Они залегают практически горизонтально и частично перекрывают юго-западную часть кладки № 1 (рис. 1: IV).

Сверху располагался *слой плотного желтовато-коричневого грунта с мелким делювием пород таврической серии и отдельными обломками керамики* (№ 8) – красноглиняных керамид (1 фрагмент) и стенок амфор «причерноморского» типа (рис. 1: IV – Б–Б', А–А').

Под ним залегал *слой относительно плотного светло-коричневого грунта с большим количеством камня (в частности, крупной морской гальки) и отдельными обломками средневековой керамики* (№ 5'). Видимо, это слой разрушения постройки, руины которой находятся на площадке за пределами траншеи, к юго-западу от неё (рис. 1: IV – Б–Б', А–А').

Его подстилает *слой плотного, прокаленного до кирпично-красного цвета грунта с мелким делювием пород таврической серии, угольками, отдельными обломками средневековой керамики* (№ 11) (рис. 1: IV – Б–Б', А–А').

С юго-запада к кладке примыкает *слой плотного желтовато-коричневого грунта с размерным делювием пород таврической серии, отдельными обломками средневековой керамики* (керамид, амфор «причерноморского» типа, высокогорлых кувшинов с широкими плоскими ручками, красноглиняных и коричневоглиняных сосудов закрытой формы), *створками морских моллюсков* (№ 12) (рис. 1: IV – Б–Б', А–А').

К северо-востоку от кладки культурные отложения залегают на довольно крутом склоне согласно его профилю и содержат многочисленный археоло-

гический материал. Наиболее поздним здесь, видимо, является *слой относительно рыхлого, темного, серо-коричневого грунта с большим количеством створок морских моллюсков и обломков средневековой керамики, угольками* (№ 4) (рис. 1: IV – А–А', Г–Г'). Происходящие из него керамические находки достаточно разнообразны. Стройматериалы представлены фрагментами красноглиняных керамид и калиптеров (соответственно 138 и 9 фрагментов) (рис. 2: 1, 4, 8, 10, 11, 15, 18). Тара – обломками пифосов, амфор и высокогорлых кувшинов с широкими плоскими ручками. Кухонно-столовая посуда – фрагментами кувшинов, горшков и крышек, а также поливной посуды различных, в основном открытых форм.

Пифосы двух групп²: красноглиняные с большим количеством размерной дресвы аргиллитов, шамота, песка и частиц извести в тесте («местные», 40 фрагментов, не менее чем 2-3 сосуда, поверхность одного из них покрыта красно-коричневым ангобом) и коричневоглиняные с включениями мелкой дресвы кварцита³ (?), аргиллитов, бесцветных кристаллов кварца и слюды в тесте (2 обломка от одного сосуда с темно-коричневым ангобным покрытием).

Амфоры не менее семи групп. Среди них преобладают фрагменты амфор так называемого «причерноморского» типа (165 фрагментов, не менее чем 10-13 сосудов) (рис. 4: 1, 2, 5-7, 16; 5: 1–2-5, 10, 14). По профилю венчиков они относятся к варианту 2 по А.Л. Якобсону (1979: 31-32) или классу 36 по ХК-95 (Романчук и др. 1995: 60-61). Интерес представляет находка верхней части корпуса с горлом и венчиком амфоры (34 фрагмента, частично реконструируется), сходной с «причерноморскими» по форме, но отличающейся по составу формовочной массы (рис. 3: 1). Черепок сосуда светлый, красно-коричневый с широкой серой прослойкой, в тесте значительное количество песка, блестки, мелкая дресва плотного полупрозрачного минерала белого цвета (кварцита?), частицы железистого минерала. Горло цилиндрическое, венчик утолщен, внешний край выступает в виде ребра. Практически вся поверхность покрыта сглаженным волнистым рифлением. Нижний прилеп ручки оформлен пальцевым вдавлением. Обнаружены, также, обломки стенок амфор с мелким зональным рифлением (21 фрагмент не менее чем от двух сосудов). Кроме того, из слоя происходят фрагменты ручки и стенок (16 мелких обломков) двух-трех других красноглиняных, не менее чем двух коричневоглиняных (рис. 4: 16), двух светлоглиняных и одной белоглиняной амфор. Высокогорлые кувшины (127 обломков, 8-10 сосудов) представлены тремя группами: со светлым желто-оранжевым черепком, включениями бесцветных кристаллов кварца, белых и железистых частиц, незначительным количеством крупного черного блестящего остроугольного песка (вероятно, одна из разновидностей пироксена) в тесте,

¹ Об относительной синхронности отложений свидетельствует наличие в различных слоях группы II фрагментов одних и тех же сосудов.

² Под группой здесь и далее подразумеваются изделия одной или родственных гончарных мастерских (см. напр.: Волков 1992: 2; 2005: 132).

³ Плотный полупрозрачный минерал белого цвета.

на поверхности – красное ангобное покрытие (рис. 5: 1, 5, 11); с коричнево-красным или темно-коричневым черепком, значительным количеством мелкого блестящего черного песка, рыхлых белых и охристых частиц в тесте, на внутренней поверхности часто видны остатки органического вещества черного цвета (рис. 5: 3); с красно-коричневым черепком, значительным количеством крупного черного блестящего остроугольного песка, частиц белого (известь) и железистого минералов, бесцветных кристаллов кварца в тесте, на внутренней поверхности также встречаются остатки черной смолистой массы (рис. 5: 9, 10, 12, 13).

Кухонно-столовая керамика достаточно разнообразна по технике исполнения и морфологии. Большинство составляют неполивные кухонные горшки и кувшины, частично сформованные в технике скульптурной лепки из глиняных жгутов (этап РФК 3-4 по А.А. Бобринскому [1978: 27]). Черепок изделий темно-коричневый, местами пережжен до серого или черного цвета, в тесте большое количество разнородного песка, частицы рыхлого минерала белого цвета (известь), отдельные зерна дресвы аржиллитов. В слое найдено 104 фрагмента венчиков, днищ и ручек не менее чем четырнадцати таких горшков (рис. 7: 1-3, 5, 16, 20; 8: 1, 2, 12-15, 17, 23). Верхняя часть одного сосуда реконструирована. Его корпус овалоидных очертаний, венчик плавно отогнут наружу, с округлым краем, ручка плоская, крепится к краю венчика, оформлена пальцевым вдавлением в верхней части.

В меньшем количестве обнаружены фрагменты (53 единицы) неполивных сосудов различных групп, изготовленных на более высоком технологическом уровне (этап РФК 7 по А.А. Бобринскому [1978: 27]), которые в целом ассоциируются с посудой так называемого провинциально-византийского круга. Выделяются 5 обломков профильных частей (венчик горшка, ручка и 3 днища) изделий, черепок и состав глиняного теста которых подобны амфорам «причерноморского» типа (6: III – 5, 8; 9: 13; 10: 19). Прочие – тонкостенные сосуды закрытой формы (не менее чем 1 кувшин и 8-16 горшков) с желто-красным, коричневым или пережженным до серого цвета черепком из тонкодисперсных формовочных масс с естественными включениями мелкозернистого песка, мелких белых (известь?) или железистых частиц, блесков (рис. 7: 17; 9: I – 1, 3, 9-12, 14-17, 19-22; 10: 7, 18)⁴. На некоторых днищах хорошо заметна подрезка ножом вдоль края, часть фрагментов стенок оформлена сглаженным волнистым рифлением (рис. 9: 1, 11, 15, 18, 22), ручка кувшина в месте верхнего крепления профилирована пальцевым вдавлением (рис. 10: I – 7). К провинциально-византийской керамике, вероятно, следует отнести и обломки краев двух гончарных коричневоглиняных крышек (рис. 9: 4, 5).

В слое № 4 обнаружены также 2 фрагмента серо-глиняных гончарных сосудов «салтовского» облика:

⁴ Из-за фрагментарности материала и в целом недостаточной изученности подобной керамики детальное деление ее на группы по принципу происхождения пока затруднительно.

верхней части горшка с густым гребенчатым рифлением на плечиках (рис. 6: IV) и днища, также, вероятно, горшка, с остатками рельефной метки (рис. 7: 19). В тесте первого из них отмечено значительное количество рыхлых частиц белого цвета, для второго сосуда характерны примеси разнородного песка, известковых и охристых частиц.

Кроме того, найден обломок стенки сосуда с большим количеством мелкой дресвы бесцветного кварца в составе формовочной массы.

Поливная столовая посуда представлена обломком стенки белоглиняного сосуда с зеленой поливой и фрагментом подставки так называемого «блюда для подогрева» (chafing-dish) с пятном салатной поливы (рис. 10: II – 2).

Помимо этого, из слоя происходят фрагменты венчика с ручкой и ножки двух стеклянных сосудов, вероятно, лампад (рис. 11: II – 1, 2), кольцеобразное свинцовое грузило (рис. 11: I – 7), 4 песчаниковых оселка (рис. 11: I – 1-4), комок известкового раствора и 6 частиц железистой крицы.

Стратиграфически ниже располагались 3 линзы относительно плотного светло-коричневого грунта с большим количеством камня (в частности, крупной морской гальки) и отдельными обломками средневековой керамики (№ 5) (верхняя линза перекрывает северо-восточный край кладки № 1) (рис. 1: IV – А-А', Г-Г'). Среди находок, в основном, фрагменты керамики. Из строительных материалов – 45 обломков красноглиняных керамид (рис. 2: 9). Из тары – обломки пифосов, амфор и высокогорлых кувшинов. Из кухонно-столовой посуды – фрагменты горшков и кувшинов.

Обломки пифосов (16 ед.) принадлежат пяти изделиям четырех групп: красноглиняным с тестом, сходным с амфорами «причерноморского» типа (11 фрагментов от двух сосудов), коричневоглиняному, аналогичному экземпляру из слоя № 4 (2 фрагмента), а также еще двум красноглиняным (по одному фрагменту) двух разновидностей. Один из них с большим количеством дресвы кварцита(?) и частиц извести, другой – с дресвой бесцветного кварца, частицами извести и рыхлого железистого минерала красно-коричневого цвета в тесте.

Амфоры не менее пяти групп. Преобладают обломки сосудов «причерноморского» типа (70 фрагментов не менее чем от трех изделий), единственный обломок венчика относится к варианту 2 по А.Л. Якобсону (1979: 31-32) (рис. 4: 17; 5: I – 6). Встречены фрагменты стенок амфор с мелким зональным рифлением (5 ед.), а также 4 обломка стенок трех других красноглиняных (одна из них с большим количеством черного блестящего остроугольного песка в тесте) и одной светлоглиняной амфор. Высокогорлые кувшины (37 фрагментов дна и стенок, не менее чем 3-7 сосудов), относятся к тем же трем группам, что и в слое № 4 (рис. 5: II – 4).

Кухонно-столовая керамика немногочисленна: 10 фрагментов стенок коричневоглиняных горшков, изготовленных из глиняных жгутов; стенка и венчик

с ручкой сероглиняного горшка с большим количеством дресвы бесцветного кварца в тесте (рис. 7: 8); 14 фрагментов тонкостенных гончарных сосудов закрытой формы, среди которых горло миниатюрного кувшина (рис. 10: I – 8), обломки ручек, стенок и днища нескольких других сосудов (рис. 9: 4; 10: I – 6, 21).

Помимо этого, при разборке линзы, залегающей в центральной части траншеи, обнаружено 3 мелких аморфных обломка известкового туфа⁵. Очевидно, что эти напластования представляют собой продукты разрушения одного или нескольких строений. Вероятно, кладка № 1 в юго-западной части шурфа – элемент одного из них.

Линзы подстилает *слой относительно рыхлого серо-коричневого грунта с большим количеством створок морских моллюсков и обломков средневековой керамики, частицами крицы, фрагментами костей животных, угольками* (№ 6) (рис. 1: IV – А–А', Г–Г').

Из керамических стройматериалов здесь найдены обломки красноглиняных керамид (рис. 2: 3, 5, 7, 12–14, 16) и калиптеров (соответственно 117 и 14 фрагментов). Тара представлена фрагментами пифосов, амфор, фляги и высокогорлых кувшинов. Кухонно-столовая посуда – фрагментами кувшинов, горшков и крышек, а также поливной посуды различных, в основном открытых форм.

Пифосы красноглиняные толстостенные («местные», 34 обломка, 1–2 сосуда).

Амфоры предположительно шести или семи групп. Преобладают фрагменты сосудов «причерноморского» типа (401 обломок, не менее чем 15 изделий) (рис. 4: 4, 9, 11, 18–20, 23; 5: I – 1, 7–9, 12, 15, 16). Все 6 фрагментов венчиков относится к варианту 2 по А.Л. Якобсону (1979: 31–32). Кроме того, найдены 3 обломка амфоры с мелким зональным рифлением и 7 фрагментов трех-четырех других красноглиняных, одной розовоглиняной, двух светлоглиняных и одной белоглиняной амфор.

Найдена одна частично реконструируемая фляга, черепок и состав теста которой подобны амфорам «причерноморского» типа. Лицевая поверхность сосуда декорирована концентрическими выступами (рис. 6: II).

Высокогорлые кувшины – 22 обломка (стенки, венчики, днища, ручка) не менее чем четырех-пяти сосудов тех же трех групп, что и в слое № 4 (рис. 5: II – 6, 7, 14).

Кухонно-столовая керамика довольно разнообразна. Представлены различные группы изделий: 90 фрагментов (стенок, венчиков, ручек, днищ) не менее чем двадцати коричневоглиняных кухонных горшков, частично изготовленных в технике скульптурной лепки (рис. 7: 6, 9, 13, 18, 21; 8: 5–7, 10, 16, 19–22, 24, 25, 27); 2 обломка пережженных до черного цвета стенок сосудов закрытой формы с большим количеством мелкой дресвы бесцветного прозрачного кварца в тесте; обломки корпуса и края трех крышек (двух коричне-

воглиняных, подобных изделиям из слоя № 4 (рис. 9: II – 5, 6) и одной красноглиняной (рис. 9: II – 1), состав теста которой аналогичен «причерноморским» амфорам); 8 фрагментов (2 венчика ойнохой, 1 ручка и 5 днищ) красноглиняных сосудов закрытой формы, тесто которых подобно «причерноморским» амфорам (6: II – 4, 6, 7, 11; 10: I – 3, 5, 20) и 7 обломков (в том числе 2 венчика и 3 днища) различных тонкостенных провинциально-византийских сосудов (рис. 9: I – 2; 10: I – 9, 16, 17, 24). Кроме того, к этой категории относятся 4 фрагмента белоглиняных поливных изделий (миски, «блюда для подогрева», кувшина?) (рис. 10: II – 1, 3, 4) и обломок стенки с верхним прилепом ручки сосуда со светлым желто-красным черепком (глина тонкодисперсная с мелкими блестками) и пятнами зеленой поливы (рис. 10: II – 5).

Также в слое найдены изделие округлой формы из стенки коричневоглиняного сосуда (рис. 11: II – 6), железный гвоздь (рис. 11: II – 4), фрагменты железного ножа (рис. 11: II – 3), оселок из песчаника (рис. 11: I – 5), обломок известковой штукатурки (возможно, фрагмент интерьера храма) и 75 частиц железистой крицы.

Ниже располагался *слой сравнительно плотного коричневого грунта со значительным количеством разномерного делювия пород таврической сериш, обломками керамики и костей животных, створками морских моллюсков, угольками, отдельными частицами крицы и шлака* (№ 9) (рис. 1: IV – А–А', Г–Г').

Среди находок преобладают фрагменты керамики. Стройматериалы представлены обломками красноглиняных керамид (91) и калиптеров (17) (рис. 2: 17). Тара – фрагментами пифосов, амфор, фляги⁶ и высокогорлых кувшинов. Кухонно-столовая посуда – фрагментами горшков и кувшинов, а также поливной посуды открытых форм.

Пифосы красноглиняные («местные», 8 обломков не менее чем трех сосудов, поверхность одного из них оформлена реберчатыми выступами).

Амфоры девяти групп. Среди них преобладают фрагменты амфор «причерноморского» типа (351 обломок, не менее чем 11 сосудов) (рис. 3: 3, 4, 14, 16, 21, 22; 4: 3, 10, 21, 22, 24). Из трех венчиков 1 относится к варианту 1 и 2 к варианту 2 по А.Л. Якобсону (1979: 31–32) (рис. 3: 3, 4, 16). Найдены 55 обломков стенок амфор с мелким зональным линейным и линейно-волнистым рифлением (аналогичны сосудам из слоя № 4) (рис. 3: 7). Из слоя происходят также 7 фрагментов стенок не менее чем трех других красноглиняных, коричневоглиняной (1), светлоглиняной (1) и белоглиняной (2) амфор.

Высокогорлые кувшины двух групп (23 обломка не менее чем двух сосудов): со светлым желто-красным (у внешней поверхности бежевым) черепком, включениями черного блестящего остроугольного песка, частиц минералов белого и коричневого цвета в тесте (рис. 5: II – 8); со светло-оранжевым черепком, дресвой бесцветных кристаллов кварца, частицами слюды и железистых минералов в тесте.

⁶ Три фрагмента от того же сосуда, что и в слое № 6, форма частично реконструирована (рис. 6: II).

⁵ В средневековье обычно применялся как материал для резных архитектурных деталей храмов или конструктивных элементов погребальных сооружений.

Среди кухонно-столовой посуды 47 обломков (в том числе 5 венчиков, 3 днища и 1 ручка) не менее трех коричневоглиняных кухонных горшков и двух кувшинов, частично сформованных в технике скульптурной лепки (рис. 7: 4, 7, 10, 14; 8: 11, 18; 9: 7, 8); 19 фрагментов (в том числе 5 венчиков, 5 днищ, 2 ручки) не менее пяти красноглиняных гончарных сосудов закрытой формы, черепок и состав теста которых подобны «причерноморским» амфорам (рис. 6: III – I-3, 9, 10, 12, 13; 10: I – 14, 22, 23); 9 фрагментов тонкостенных сосудов провинциально-византийского круга, а также обломок поля белоглиняного константинопольского «блюда для подогрева» с желтой поливой (рис. 10: II – I)⁷.

Помимо этого в слое найдено 20 частиц железистой крицы.

Группа III (общая мощность – до 1,5 м) образована напластованиями, сформировавшимися до появления в пределах исследованного участка поселения каменных архитектурных сооружений. В неё входит один достаточно однородный *слой плотного коричневого делювия пород таврической серии, обломками керамики и костей животных, угольками, створками морских моллюсков* (№ 10), залегающий на поверхности материковой скалы (рис. 1: A–A', B–B').

Большинство находок – фрагменты керамики. Из стройматериалов – обломки красноглиняных керамид (63) и калиптеров (17) (рис. 2: 2, 6), а также фрагмент розовоглиняной плитки (плинфы?) со значительным количеством черного блестящего остроугольного песка, частицами извести и железистого минерала в тесте (толщина – 2,1 см). Из тары – обломки пифосов, амфор и высокогорлых кувшинов. Из кухонно-столовой посуды – фрагменты горшков и кувшинов.

Пифосы двух групп. Одна из них представлена одним-двумя красноглиняными сосудами (21 фрагмент венчика и стенок) с тестом, подобным амфорам «причерноморского» типа (рис. 6: I – I). Вторая – пифосом (6 фрагментов стенок) с двухслойным в изломе черепком (светлого желто-красного и бежевого цветов), большим количеством дресвы бесцветных кристаллов кварца, частицами извести и железистого минерала в тесте. Его поверхность профилирована реберчатыми выступами.

Амфоры пяти групп. Большинство составляют обломки амфор «причерноморского» типа (376 фрагментов, не менее чем 18 сосудов) (рис. 3: 2, 5, 6, 9-12, 17-20; 4: 8, 12, 13, 15). Из семи обломков венчиков 4 относятся к первому (рис. 3: 5, 9, 11, 12) и 3 – ко второму (рис. 3: 2, 6, 10) варианту по А.Л. Якобсону (1979: 31-32). Найдено 72 фрагмента стенок амфор с мелким зональным линейным и линейно-волнистым рифлением (аналогичны подобным изделиям из слоя № 4) (рис. 3: 8), 3 обломка стенок амфоры с двухслойным светлым (желто-красным и бежевым) черепком и значительным количеством черного блестящего остроугольного песка в тесте, а также 2 стенки красноглиняного

сосуда со сплошным глубоким частым (ребенчатым) рифлением (рис. 3: 13).

Высокогорлые кувшины относятся к одной группе сосудов – с коричнево-красным черепком, черным блестящим остроугольным песком, известью и железистым минералом в тесте (4 фрагмента).

В коллекции кухонно-столовой посуды из слоя 93 обломка венчиков, днищ и ручек не менее чем семи коричневоглиняных горшков, частично выполненных в технике скульптурной лепки из глиняных жгутов (рис. 7: 11, 15; 8: 3, 4, 8, 9, 26; 9: I – 6), один из них – с двумя неглубокими пальцевыми вдавлениями у основания верхнего прилепа ручки (рис. 8: 26); днище горшка, пережженного до черного цвета, с большим количеством мелкой дресвы бесцветного кварца в составе формовочной массы (рис. 7: 12); 25 фрагментов венчиков (7) и стенок (18) красноглиняных гончарных кувшинов разных типов, в том числе ойнохой (рис. 10: I, 2, 10-13, 15), а также венчик красноглиняного гончарного горшка провинциально-византийского круга (9: I – 5).

Кроме того, в слое найдены изделие округлой формы из стенки коричневоглиняного сосуда (рис. 11: II – 5) и 6 частиц железистой крицы.

Анализ археологического материала и хронология

В целом коллекцию находок из раскопок на левом берегу р. Ай-Лия образуют многочисленные фрагменты керамики (3045 обломков и 2 изделия из стенок сосудов) (рис. 1-10; 11: II – 5, 6), 2 фрагмента стеклянных лампад (рис. 11: II – 1, 2), свинцовое грузило (рис. 11: II – 7), фрагменты железных ножа и гвоздя (рис. 11: II – 3, 4), 5 песчаниковых оселков (рис. 11: I), 3 мелких обломка туфа, несколько комков известкового раствора, 107 частиц железистой крицы и различные фаунистические материалы, среди которых остатки крупных и мелких копытных, кости рыб и створки морских моллюсков⁸.

Керамика представлена тремя категориями изделий: строительными материалами (562 фрагмента или 18,5 % керамических находок), тарой (1979 обломков или 65,0%) и кухонно-столовой посудой (504 фрагмента или 16,5%).

Среди строительных материалов преобладают обломки керамид – 505 фрагментов (89,9 %). Обломков калиптеров в 9 раз меньше – 56 фрагментов (10,0 %). Найдено также небольшой фрагмент керамической плитки (0,1%). Керамиды прямоугольной формы с зауженной нижней частью, профилированной симметричными коленчатыми изгибами, некоторые экземпляры с водосливными валиками (рис. 2). Все найденные керамиды изготовлены «тыльным» способом (Моисеев 2011: 183). При этом методе лицевая часть изделия оттискивалась в деревянной матрице, на которой предварительно могли быть вырезаны углубления для получения водосливных валиков и меток, а тыльная выравнивалась по высоте формы специальной деревянной планкой или дощечкой. В результате

⁷ Верхняя часть этого же сосуда найдена в слое № 6.

⁸ Специальный анализ фаунистических находок не проводился.

на большинстве готовых изделий отчетливо видны характерные следы от продольного движения такого деревянного инструмента.

Калиптеры изготовлены таким же способом с последующей дополнительной моделировкой на специальном шаблоне. Особенности их формы из-за фрагментарности материала определить не удалось.

Морфология и состав формовочных масс указывают на то, что вся эта черепица местного производства. Многочисленные аналогии широко известны на средневековых памятниках Юго-Западного, Южного и Юго-Восточного Крыма (обзор см. напр.: Романчук 2004; Завадская 2010а; 2010б; Моисеев 2011; 2012), в том числе и среди продукции открытых здесь во множестве гончарных мастерских, деятельность большинства из которых датируется в рамках около середины VIII – первой половины (первой трети?) X вв. (см. напр.: Паршина, Тесленко, Зеленко 2001).

Керамическая плитка, скорее всего, не крымско-го происхождения, о чем свидетельствует наличие в составе формовочной массы, из которой она изготовлена, примеси крупного черного блестящего остроугольного песка (вероятно, одной из разновидностей пироксена), не характерного для Крыма. Датировка артефакта затруднительна.

Тарная керамика включает фрагментированные пифосы, амфоры, флягу и высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками. В слоях находки распределяются следующим образом (см. таблицу 1).

Пифосы представлены четырьмя группами изделий. Большинство фрагментов (125 единиц или 89,9%)

принадлежат толстостенным красноглиняным сосудам местного производства, для которых характерно значительное количество примесей шамота и дресвы пород таврической серии (аргиллитов) в тесте. Черепок их достаточно плотный, различных оттенков красного и желто-красного цветов. Пифосы сформованы без использования гончарного круга, в технике скульптурной лепки, путем наращивания глиняных жгутов. Толщина стенок сосудов в среднем около 1,6–3,3 см. Стенки преимущественно гладкие. Лишь один обломок является частью сосуда, профилированного реберчатыми выступами. В двух случаях отмечено покрытие темно-красным ангобом. Венчики массивные, в сечении треугольные, с широким плоским верхом (найден 2 фрагмента). Один из них с внешней стороны декорирован двумя рядами вдавлений большого пальца (видны четкие отпечатки ногтя) (рис. 6: I – I). Подобный декор отмечен и на одном из обломков стенок (рис. 6: I – I).

Подобные пифосы в большом количестве появляются на территории Южного, Юго-Западного и Юго-Восточного Крыма примерно со второй половины VIII–IX вв. (см. напр.: Якобсон 1966: 192-197, рис. 6; 7; 1970: 43-46, рис. 14; 1979: 33-39, рис. 17; Фронджуло 1968: 121-122, рис. 25-26; Паршина 1974: 57-59, рис. 1: 5-9; 1991: 74, рис. 2; 2002а: 93, рис. 2; 6; 2002б: 125-126, рис. 2; 7; Майко 2004: 178, рис. 99; Науменко 2009а: 32-35). Изготовление их в местных мастерских практически не вызывает сомнения (см. напр.: Фронджуло 1968: 121-122; Якобсон 1966: 192-197; 1979: 43, 49; Паршина, Тесленко, Зеленко 2001: 60-61). Однако

Таблица 1.

Группы слоев	№№ слоев	пифосы		амфоры		фляги		кувшины	
		кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
I	1	–		–		–		–	
	2	–		–		–		–	
	3	2		1		–		–	
	7	9		45		–		4	
Итого:		11	18,0%	46	75,4%	–	0%	4	6,6%
II	4	42		203		–		127	
	5	16		79		–		37	
	6	35		411		1		22	
	8	–		5		–		–	
	9	8		415		3		23	
	11	–		–		–		–	
	12	–		3		–		4	
Итого:		101	7,0%	1116	77,8%	4	0,3%	213	14,9%
III	10	27		452		–		4	
Итого:		27	5,6%	452	93,6%	–	0%	4	0,8%
Всего:		139	7,0%	1614	81,6%	4	0,2%	221	11,2%

период бытования этих пифосов может далеко выходить за рамки IX–X вв. На ряде памятников хозяйственное использование таких сосудов зафиксировано в комплексах XIII–XIV и XIV–XV вв. (Паршина 1974: 58–59, рис. 1: 5–9; Teslenko 2009: 870–872, 878–879, fig. 2; 3; Тесленко 2010). Следовательно, они не могут использоваться в качестве надежного хронологического индикатора.

В значительно меньшем количестве найдены фрагменты сосудов трех других групп: коричнево-глиняные, с включениями мелкой дресвы плотного полупрозрачного минерала белого цвета (кварцита?), аргиллитов, бесцветных мелких кристаллов кварца и слюды в тесте и темно-коричневым ангобным покрытием (6 обломков стенок – 4,3%); с желто-красным или с двухслойным в изломе черепком (светлого желто-красного и бежевого цветов), большим количеством дресвы бесцветных кристаллов кварца, частицами извести и железистого минерала в тесте, поверхность одного фрагмента профилирована реберчатыми выступами (5 единиц – 5,0 %); красноглиняные с большим количеством дресвы кварцита(?) и частиц извести (1 обломок – 0,7%). Профильные части отсутствуют, что затрудняет сопоставление их с известными морфологическими типами сосудов. Выяснить их происхождение и датировку на основании имеющихся данных, затруднительно.

Фрагменты амфор наиболее многочисленны. Большинство их принадлежит группе сосудов так называемого «северопричерноморского» или «причерноморского» типа. Это 1403 фрагмента или 86,9% всех находок амфорной тары на исследованном участке памятника (в слоях группы II их доля среди обломков амфор составляет 89,2%, в слоях группы III – около 83,0%). Подобные сосуды являлись одним из основных видов продукции местных гончарных мастерских (см. напр.: Якобсон 1970: 39–41; 1979: 29–32; Паршина, Тесленко, Зеленко 2001: 74–77) (рис. 3: 2–6, 9–12, 14–22; 4: 1–4, 6–15, 17–23; 5: II). Группу нельзя назвать абсолютно гомогенной, так как даже при визуальном анализе отчетливо прослеживается региональная специфика в составе формовочных масс, что ранее уже отмечалось исследователями (см. напр.: Паршина, Тесленко, Зеленко 2001: 76; Науменко 2009б: 43–44). В перспективе, при более глубоком изучении материалов из различных гончарных центров Таврики, эти отличия позволят выделить множество подгрупп. Однако на данном этапе исследования такое деление не представляется возможным. Отметим только, что для большинства обнаруженных при раскопках рассматриваемого поселения «причерноморок» характерен довольно плотный желто-красный черепок различных оттенков, а также формовочная масса с различной концентрацией примесей мелкодробленого шамота, мелкой дресвы минерала темно-коричневого или серо-коричневого цветов (породы таврической серии) и рыхлого минерала белого цвета (известь). И лишь некоторые из них (42 фрагмента, в том числе две профильные части) отличаются тонкодисперсными фор-

мовочными массами с мелкими включениями извести (рис. 3: 2; 5: 14)⁹.

Формы амфор удалось реконструировать лишь частично. Тулова вытянутые оваловидные, с гладкой или рифленой поверхностью, на двух фрагментах плечиков – остатки декора, выполненного узкой густой гребенкой (рис. 3: 15; 4: 1). Днища округлые (5 из шести реконструированных) или вогнутые (1). Венчики трех морфологических типов: треугольные в сечении с плоским верхом (рис. 3: 4, 5, 9, 11, 12); валикообразные округлых очертаний в различных вариантах исполнения (рис. 3: 2, 3, 6, 10, 16; 5: 1, 2, 5–16); отогнутые наружу, в сечении близкие к треугольнику, ориентированному углом к верху (рис. 5: 3, 4). Все они вполне типичны для амфорной продукции местных гончарных центров (детальный обзор типов, литературы и географии находок см. напр.: Романчук *и др.* 1995: 50–61; Паршина, Тесленко, Зеленко 2001; Герцен *и др.* 2006: 399–400; Науменко 2009б: 35–50). Первый тип (он же – первый вариант по А.Л. Якобсону [1979: 29–30, рис. 12]) количественно преобладает в слоях группы III, в то время как второй и третий более характерны для слоев группы II. Этот факт, возможно, свидетельствует о том, что на начальном этапе местного амфорного производства первый тип был более популярен, что подтверждается и наблюдениями других исследователей (см. напр.: Баранов, Майко 1996; Майко 2000: 102–103; 2004: 184; 2009: 266–270; 2012; Пономарев 2003: 268; Романчук *и др.* 1995: 47; Романчук, Седикова 1991: 42; Седикова 1995: 170–171; 1997: 10–12).

Время функционирования большинства гончарных центров Таврики, исходя из имеющихся данных, укладывается в рамки середины VIII – середины (первой половины) X в.¹⁰ Соответственно, на этот же период приходится и появление в обороте выпускаемой ими продукции, в том числе разнообразных амфор (с учетом возможных хронологических вариаций для разных типов)¹¹.

Следует отметить, что некоторые типы амфор, по объему и морфологически подобные сосудам, произведенным в Таврике, находились в обиходе на территории Причерноморья и Средиземноморья на протяжении VII–X вв. (см. напр.: Hayes 1992: 71–73, fig. 23: 2–3; 25: 1–9; 54: 73; 57: 26, 30, 36, 37, 43; Negrelli 2012: 159–161, fig. 3; 4; Saguì, Ricci, Romei 1997: 42–46, fig. 6; Vroom 2005: 52–53, 60–61; ebyz 11.1–2; 16.2–4; 2012: 291–291, fig. 5; 7; 8; 12; etc.). Это свидетельствует о довольно широком распространении здесь моды на определенные формы транспортировочной тары, изготавливае-

⁹ Подобные тонкодисперсные формовочные массы характерны, например, для продукции гончарных мастерских Мисхора (Паршина и др. 2001: 66–67).

¹⁰ Более детально о появлении и исчезновении массового гончарного производства в Таврике см. (Древности Семидворья I... в печати: 146–166; 308–312).

¹¹ Шлейф выхода из оборота местных «причерноморок», в особенности на многослойных объектах, фиксируется вплоть до XI в. и позже (см. напр. Науменко 2009б: 43, 46–47). Однако в таких случаях они уже не могут быть использованы в качестве хронологических индикаторов для датировки слоев.

мой, видимо, в различных регионах. Таврика, скорее всего, была лишь одним из них, безусловно, со своей локальной спецификой¹².

Вторая группа представлена частично реконструированной амфорой из слоя № 4 (рис. 3: 1). Несмотря на сходство по конфигурации профиля с местными сосудами, она существенно отличается от них составом формовочной массы (описание см. выше), в связи с чем, с высокой долей вероятности можно предполагать, что эта амфора импортная. Аналогичный по форме экземпляр известен среди материалов раскопок в Стамбуле (тип 47 по Дж. Хейсу) и датирован X в. (возможно, началом) (Hayes 1992: 73-74, fig. 25: 1).

Третью группу составляют гладкостенные амфоры с мелким зональным рифлением (МЗР) (рис. 3: 7, 8), для которых характерен слегка «мылящийся» черепок, часто двухслойный – приглушенного желто-красного или розовато-бежевого цвета с внутренней стороны и с бежевым слоем у внешней поверхности. Глина тонкодисперсная, с естественной примесью значительного количества мелких рыхлых частиц минерала белого цвета (известь). Это около 9,9% (159 фрагментов) находок всех амфор. В слоях группы II их доля в амфорном материале равна 7,7%, в слоях группы III – 15,9%. Из-за фрагментированности и отсутствия профильных частей невозможно с точностью реконструировать форму сосудов. Однако детальное описание глины различных византийских амфор с зональным рифлением, приводимое в статье Л.Ю. Нидельницкой, позволяет уверенно идентифицировать третью группу сосудов поселения на левом берегу р. Ай-Лия с наиболее многочисленной группой амфор из коллекций музеев Ростовской области (Нидельницкая 2009: 261-274, рис. 2; 3; 9: 1). Детально анализируя археологический контекст находок, исследовательница обосновано приходит к выводу о наиболее массовом поступлении этих амфор в Нижнее Подонье во второй половине VII – первой половине VIII вв. (Нидельницкая 2009: 264-274).

По поводу возможностей отождествления этих амфор с уже выделенными типами и определения их происхождения мнения специалистов не совпадают. Л.Ю. Нидельницкая относит их к третьему варианту «причерноморских» амфор по А.Л. Якобсону, типу XIV по ХК-71¹³, классам 24, 27 по ХК-95¹⁴ и связывает с гончарными мастерскими средневекового Херсона (Нидельницкая 2009: 273-274). При этом исследовательница отмечает, что по внешним признакам амфоры второй половины VII – первой половины VIII вв. из Нижнего Подонья тождественны амфорам, найденным в большом количестве в засыпи водохранилища Херсонеса (в чем ей удалось убедиться лично

при изучении коллекции), датируемой VIII – началом IX или первой половиной IX вв. (Нидельницкая 2009: 274). В.Е. Науменко считает, что «причерноморские» амфоры третьего варианта по А.Л. Якобсону не следует идентифицировать с близким по морфологическим признакам типами и классами по ХК-71 и ХК-95 (в том числе, типом XIV и классами 24-27), так как это разные по происхождению сосуды (Науменко 2009б: 38-39). Амфоры третьего варианта, по мнению В.Е. Науменко, вообще не следует относить к группе местных «причерноморских», поскольку они, скорее всего, являются дальними импортами и известны на многих памятниках Средиземноморского бассейна (Науменко 2009б: 38-39).

На фоне обозначенных разногласий, все же практически не вызывает сомнения то, что «византийские амфоры с гладким корпусом и зональным орнаментом» второй половины VII – первой половины VIII вв. из Нижнего Подонья, амфоры с зональным рифлением из засыпи водохранилища в Херсонесе VIII – начала IX (или первой половины IX в.) и аналогичные амфоры поселения на левом берегу р. Ай-Лия – это сосуды одной группы, происходящие из одной или нескольких близкородственных мастерских. Их датировка определяется в рамках, предложенных Л.Ю. Нидельницкой, то есть второй половиной VII – первой половиной VIII вв. с возможными хронологическими шлейфами, заходящими в первую половину IX в.

Прочие находки амфорной тары составляют 3,2% (52 фрагмента). Среди них выделяется еще около восьми групп красноглиняных, коричневоглиняных и светлоглиняных амфор, отличающихся между собой цветом обожженного черепка и составом формовочной массы. Из-за незначительного размера большинства обломков и отсутствия профильных частей сосудов, удалось с большей или меньшей уверенностью предположить атрибуцию лишь трех групп. В их числе: амфоры с плотным темно-коричневым черепком и большим содержанием слюды в тесте, соответствующие, скорее всего, типу 95 по И.Б. Зеест, общая хронология которого определяется в рамках IV–VII вв. (обзор литературы см. напр.: Герцен и др. 2006: 413-414); красноглиняная амфора с глубоким и частым рифлением (рис. 3: 13) и светлоглиняные амфоры с плотным черепком, включениями песка, слюды и железистых минералов, представляющие собой, вероятно, разновидности LRA-2 и LRA-1 по Дж. Райли, датирующиеся в рамках IV–VII вв. (обзор литературы см. напр.: Герцен и др. 2006: 412-413, 414).

Фляга представлена в единственном экземпляре (рис. 6: 11). Черепок этого сосуда желто-красный, состав теста аналогичен амфорам «причерноморского» типа. Лицевая поверхность украшена концентрическими выступами. Подобные фляги местного производства хорошо известны как на территории Крымского полуострова, так и на салтово-маяцких памятниках Прикубанья, Приазовья и Подонья, где они датируются в рамках VIII – первой половины X в. (обзор литературы см. напр.: Науменко 2009 г:

¹² Не исключено, что популярность тех или иных форм амфор могла быть обусловлена определенными подходами к системе укладки сосудов в трюмах кораблей.

¹³ ХК-71 – здесь и далее классификация средневековых амфор из раскопок в Херсонесе 1971 г. (Антонова и др. 1971: 81-107).

¹⁴ ХК-95 – здесь и далее классификация средневековых амфор из раскопок в Херсонесе 1995 г. (Романчук и др. 1995).

58-60). Близкая аналогия происходит из раскопок городища на плато Тепсень (Майко 2004: 186, рис. 104: б). Фляги изготавливались в керамических мастерских Таврики вместе с амфорами и другими видами гончарной продукции (см. напр.: Паршина, Тесленко, Зеленко 2001).

Находки высокогорлых кувшинов с широкими плоскими ручками – тип ХХ по ХК-71 (Антонова *и др.* 1971: 91-92, рис. 20: 20-21), класс 41 по ХК-95 (Романчук *и др.* 1995: 63-60, таб. 30-32), тип 44 по А.В. Сазанову (Sazanov 1997: 97, fig. 4: 44), «large one-handed jag» или «local tall one-handed jag» по J.W. Hayes (1992: 125, 223; fig. 21: 3; 71: 53) – гораздо более многочисленны (Табл. 1). По цвету черепка и составу формовочной массы определено 4 группы сосудов:

- с коричнево-красным или темно-коричневым черепком, значительным количеством мелкого блестящего черного песка (разновидность пироксена), рыхлых белых (известь) и охристых (железистый минерал) частиц в тесте, на внутренней поверхности часто видны остатки налипшего органического вещества черного цвета (смолы?) (рис. 5: II – 3);

- с красно-коричневым черепком, значительным количеством мелкого блестящего черного песка (разновидность пироксена), частиц железистого минерала, извести и дресвы прозрачных кристаллов кварца в тесте, на внутренней поверхности также встречаются остатки черной смолистой массы (рис. 5: II – 2, 4, 6, 5, 9, 10, 12, 13);

- со светлым желто-оранжевым черепком и красным ангобным покрытием, включениями дресвы мелких прозрачных кристаллов кварца, белых и железистых частиц, незначительным количеством мелкого блестящего черного песка (разновидность пироксена) в тесте (рис. 5: II – 1, 5, 11);

- со светлым желто-красным (у внешней поверхности бежевым) черепком, включениями мелкого блестящего черного песка (разновидность пироксена), частиц рыхлых минералов белого и коричневого цвета в тесте (рис. 5: II – 8).

Высокогорлые кувшины различных групп и типов хорошо известны благодаря раскопкам многих археологических объектов Крыма, Приазовья, Подонья, Нижнего Поднепровья и столицы Византийской империи – Константинополя, а также по результатам подводных исследований в акватории Черного моря. Им посвящено большое количество публикаций (географию находок и обзор литературы см. напр.: Sazanov 1997: 97; Науменко 2009в: 50-57). Исследователи также неоднократно указывали на значительное разнообразие форм профильных частей и состава формовочной массы высокогорлых кувшинов (Сазанов 2001: 232-239; Науменко 2009в: 57), что свидетельствует об их происхождении из различных гончарных центров. Местонахождение этих мастерских к настоящему времени не установлено.

Общая хронология высокогорлых кувшинов на основании анализа комплексов Херсонеса, в том числе содержащих монетные находки, наиболее ранние из

которых относятся ко времени правления императора Василия I Македонянина (867-886), наиболее поздние принадлежат императору Роману IV Диогену (1067-1071) и Михаилу VII Дуке (1071-1078) (Рыжов, Седикова 1999: 319-320; Алексеенко 2006: 86-87; Нессель 2006: 97, 107), определяется в рамках 60-80-х гг. IX – конца XI в. Период их наибольшего распространения приходится на X – середину XI в. (см. напр.: Могаричев *и др.* 2007: 106-107).

Кухонно-столовая посуда, также как и другие керамические находки, сильно фрагментирована, представлена неполивными и поливными изделиями различного происхождения. Первые из них составляет абсолютное большинство (497 обломков – 98,6%).

Наиболее многочисленны коричневоглиняные горшки и кувшины, частично изготовленные в технике скульптурной лепки из глиняных жгутов (345 фрагментов – 69,4% кухонно-столовой керамики, из них 50,7% – в слоях группы II и 18,7% – в слоях группы III). Характерные морфологические черты большинства сосудов – овалоидное тулово, плавно отогнутый наружу венчик с округлым или слабопрофилированным краем, плоские ручки, иногда профилированные пальцевыми вдавлениями в месте верхнего прилепа (7: 1-7, 9-11, 13-16, 18, 20, 21; 8; 9: 1 – 6, 7, 8).¹⁵ Следует отметить, что типология кухонной керамики Таврики эпох раннего и развитого средневековья не разработана, что затрудняет поиск точных аналогий. Близкие по форме и технологическим характеристикам сосуды происходят из раскопок таких археологических объектов в Юго-Западном и Южном Крыму как Мангуп (Герцен, Науменко 2001: 140-141, рис. 4: 10-13; Герцен *и др.* 2006: 402, рис. 24: 9; 27: 11; 31: 4; Герцен *и др.* 2010: 256-257, рис. 17: 27-28, 30-31) и поселения в его окрестностях (Науменко 1997: 336, рис. 4: 2, 6), Кыз-Кермен (Белый 2001: 200, 214-215, рис. 10: 1, 21; 1993: 55, 10: 1-5), поселение на левом берегу р. Бельбек (Романчук, Омелькова 1979: 100-101, рис. 4: 5; 5: 4-6), поселение в урочище Сотера (Паршина 2002б: 122, рис. 5; Телиженко *и др.* 2010: 423, рис. 2: 1). Все они зафиксированы в комплексах VIII(?)–IX в. – первой половины X в.¹⁶

Вторые по численности – гончарные сосуды провинциально-византийского облика, составляющие 29,0% (144 фрагмента) кухонно-столовой керамики. Представлены две группы изделий, одну из которых образует продукция местных гончарных центров, вторую – вероятно, импорты не выясненного пока происхождения. Практически все они изготовлены на скоростном гончарном круге (РФК-7 по А.А. Бобринскому [1978: 60-64]), о чем свидетельствуют следы ротации на внутренней поверхности, особенно заметные ближе к днищу.

Изделия местных гончарных центров (57 фрагментов, из них 32 – в слоях группы II и 25 – в слоях группы III) определены по сходству их черепка и

¹⁵ Детальное описание теста см. выше, в слое № 4.

¹⁶ Более широко (до середины XI в.) датируется только слой № 3 на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун на Мангупе, но он не может рассматриваться как хронологически гомогенный.

состава глиняного теста с амфорами «причерноморского» типа. Среди обнаруженных верхних профильных частей сосудов 1 фрагмент принадлежит горшку (рис. 9: 13), 1 – крышке или миске(?) (рис. 9: II – 1) и не менее пятнадцати – разнообразным кувшинам, в том числе ойнохоям (рис. 6: III – 1-3, 13; 10: I – 1-3, 5, 10-15). Днища плоские, с отчетливыми следами среза нитью с круга (рис. 6: III; 10: I – 19, 20, 22, 23). Горла воронковидные, венчики нескольких типов: с округлым, заууженным и приподнятым кверху, широким плоским или скошенным вовнутрь краем. Ручки преимущественно вертикальные, уплощенно-овальные, часто с продольными бороздками, профилированы пальцевым вдавлением в месте верхнего прилепа (рис. 6: III – 1-5; 9: 4; 10: I – 6, 10, 12, 15). Лишь одна из них выполнена в виде налепа с округлым отверстием и крепится горизонтально у края венчика (рис. 6: III – 13). Признаки дополнительного оформления внешней поверхности (роспись, рифление) не выявлены. Подобные морфологические особенности характерны для столовых сосудов рассматриваемого периода и находят аналогии среди керамики из раскопок синхронных памятников Юго-Западного, Южного, Юго-Восточного и Восточного Крыма¹⁷ в комплексах первой половины IX – начала X в. (см. напр.: Веймарн, Айбабин 1993: 190-193; Романчук, Омелькова 1979: 100; Седикова 1993: 134-135, рис. 1; 1995: 172-173, рис. 7; 9; 1996: 123; Рыжов, Седикова 1999: 320-321, рис. 6; Зинько, Пономарев 1999: 200-201; Майко 2004: 187-193; Науменко 1997: 336-338; 2009д: 60-64; Герцен и др. 2006: 406-407; Герцен и др. 2010: 257-258, 263, 267) и второй половины VIII–X вв. (Науменко 2009д: 60-63). Аналогии некоторым типам ойнохой известны также среди керамики из отвалов производственного брака гончарного центра в урочище Сотера, где они найдены в комплексе с амфорами первого (более раннего) варианта по А.Л. Якобсону, что свидетельствует об их синхронном производстве (Тесленко, Алядинова 2013: 101-102, рис. 1: III – 4, 5).

Провинциально-византийские сосуды, предположительно относимые к импортным, характеризуются тонким плотным черепком желто-красного, коричневого или светло-серого цвета и мелкодисперсными формовочными массами, в которых заметны мелкие белые или красно-коричневые рыхлые частицы, блестки¹⁸. Основная масса находок – 96,6% (84 фрагмента) сконцентрирована в слоях группы II и лишь 1 обломок венчика (рис. 9: I – 5) происходит из нижележащих отложений. Обнаружены верхние профильные части двух кувшинов (рис. 10: I – 7, 8) и восьми разнообразных горшков (рис. 9: 1, 2, 5, 9-12, 14). Днища сосудов плоские, на некоторых из них фиксируется подрезка ножом вдоль края (рис. 7: 17; 9: I – 1, 16-21; 10: I – 16, 17,

21). Ручка кувшина с пальцевым вдавлением у основания (рис. 10: I – 7). Часть обломков стенок оформлена волнистым рифлением. Близкие аналогии некоторым формам известны среди кухонных горшков из раскопок в Константинополе, датируемых в рамках начала X – начала XII в. (Hayes 1992: 57-59, fig. 20). Дж. Хейс указывает на распространение подобных типов горшков в Западной Европе (Hayes 1992: 57; Pelletier 1997: 115-118, fig. 7). В Крыму аналогичные сосуды встречаются в культурных слоях Херсонеса начала – первой половины X в. (Рыжов, Седикова 1999: 323-324, рис. 8), в алуштинском и судакском зольниках второй половины X – первой половины XI в. (Майко 2002: 51, рис. 3: 12, 14) и др.

Незначительным количеством фрагментов представлены еще несколько групп неполивных изделий. Среди них 7 обломков пяти тонкостенных коричнево-глиняных крышек большого диаметра (23,0-31,0 см) (рис. 9: II – 2-6)¹⁹ и 6 фрагментов тонкостенных сосудов закрытой формы с темно-коричневым или темно-серым черепком и большим количеством мелкой дресвы кристаллов кварца в тесте, от чего поверхность их шероховатая на ощупь (рис. 7: 8, 12)²⁰. Аналогичные крышки и горшки в большом количестве происходят из раскопок алуштинского и судакского зольников второй половины X – первой половины XI в. (Майко 2002: 51, рис. 3: 8, 13). Крышки найдены также в заполнении цистерны № 3 в квартале X «Б» и цистерны жилого дома в квартале VII Херсонеса, засыпанных, соответственно, во второй половине X и в конце XI – начале XII в. (Рыжов, Седикова 1999, с. 326, рис. 10; 11; Нессель 2006, с. 125, рис. 21). То есть наибольшее распространение изделия получают во второй половине X–XI в. Однако, учитывая отсутствие специальных исследований, вопрос о нижней дате таких крышек и горшков нельзя считать решенным.

Кроме того, найдены единичные фрагменты верхней части корпуса с венчиком и днища с меткой горшков салтово-маяцкого облика (рис. 6: IV; рис. 7: 19). Подобные кухонные сосуды во множестве известны на салтово-маяцких поселениях и городищах VIII–X вв. на Нижнем Дону, в Приазовье, на Таманском полуострове и в Крыму, в особенности в юго-восточной и центральной части полуострова (см. напр.: Плетнева 1999: 17-19, рис. 26; 86; Майко 2004: 93-95, 196-205; Науменко 2009е: 67-70).

Среди находок поливной столовой посуды 3 фрагмента одной или двух курильниц, 1 обломок венчика блюда с низким вертикальным бортом и 1 – стенки сосуда закрытой формы (рис. 10: II – 1-4)²¹. Все они относятся к группе Glazed White Ware II по Дж. Хейсу (Hayes 1992: 18-19). Это одна из разновидностей керамики константинопольского производства, получившая широкое распространение примерно с начала X в. в Средиземноморье, Причерноморье и других восточ-

¹⁷ В Восточном Крыму такая керамика встречается гораздо реже.

¹⁸ Группа выделена условно, незначительное количество, фрагментированность находок и плохая изученность этой керамики в целом не позволяют пока охарактеризовать материал более детально.

¹⁹ Все в слоях группы I и II.

²⁰ Из них одно днище в слое группы III (рис. 7: 12), 5 фрагментов венчика с ручкой и стенок – в слоях группы II (рис. 7: 12).

²¹ Все они происходят из слоев группы I и II.

ноевропейских землях (см. напр.: Hayes 1992: 12-15, 18-19; Vroom 2005: 75; Макарова 1967: 9-10; Залеская 1984; Коваль 2010: 111-112, 113). На территории Таврики находки подобных изделий известны довольно широко, как в крупных административных центрах, так и в небольших населенных пунктах горного и прибрежного Крыма (см. напр.: Паршина 1974: 66-67; Талис 1976: 64-73; Якобсон 1979: 83-93; Рыжов, Седикова 1999: 325; Майко 2004: 206-208; Герцен и др. 2006: 404-406).

Еще один фрагмент стенки с верхним прилепом ручки сосуда со светлым желто-красным черепком (глина тонкодисперсная с мелкими блестками) и пятнами зеленой поливы, также, скорее всего, импортного, атрибутировать не удалось (рис. 10: II – 5).

Изделия из стекла из раскопок на поселении представлены фрагментами верхней части корпуса и высокой ножки, вероятно, двух лампад разных типов: с ручками и бокаловидной (рис. 11: II – 1, 2). Многочисленные аналогии первому из них широко известны в комплексах от V–VI до XIII вв. как в Таврике (Голофаст 2001: 139-142; Голофаст, Рыжов 2003: 219-220; Новиченкова 2005: 17; Турова 2013: 90-93, рис. 10), так и на других византийских территориях (Jennings 2010: 225-236). Значительное количество стеклянных лампад обоих типов происходит из епископской базилики Демре-Миры Ликийские X–XIII вв. в Турции (Acara, Olcaу 1998: 252-256, 262-264, res.1-3). Узкая датировка изделий затруднительна.

Прочие артефакты – 5 песчаниковых оселков (рис. 11: I), 3 мелких фрагмента железного ножа, железный кованый гвоздь, свинцовое кольцообразное грузило и две заготовки изделий из стенок керамических сосудов неясного назначения (рис. 11: II – 3-7) не несут определенной хронологической нагрузки и могут быть датированы только по контексту их обнаружения.

Таким образом очевидно, что представление о датировке поселения на левом берегу р. Ай-Лиля можно получить анализируя, в первую очередь, ассортимент керамики из различных групп культурных отложений, вскрытых при шурфовке.

Наиболее древние амфоры – тип 95 по И.Б. Зеест, а также разновидности LRA-2 и LRA-1 по Дж. Райли – датируются в рамках IV–VII вв. Находки их фрагментов единичны, рассредоточены по всем группам слоев и являясь, несомненно, неоднократно переотложенными, не влияют на общую хронологию исследованных отложений. Тем не менее, одно их присутствие свидетельствует о возможном использовании людьми прибрежной части долины р. Ай-Лиля в позднеримский – ранневизантийский период.

Одними из наиболее ранних артефактов, представленных в большом количестве и поддающихся точной атрибуции, являются византийские амфоры с гладким корпусом и мелким зональным рифлением. Период их наибольшего распространения, как уже отмечалось выше, определяется в рамках второй половины VII – первой половины VIII вв., а массовый выход из употребления растягивается минимум до первой по-

ловины – середины IX в. Их доля в амфорном материале наиболее ранней группы слоев III (15,9%) примерно вдвое больше чем во всех вышележащих отложениях (7,7 %).

Местные амфоры «причерноморского» типа – наиболее многочисленная группа сосудов в своей категории находок во всех слоях – датируются в рамках времени функционирования выпускавших их гончарных центров, которые на сегодняшний день определяются периодом примерно с середины VIII по середину (первую треть?) X в. При этом сосуды первого варианта по А.Л. Якобсону (1979: 29-32) явно преобладали на первом этапе этого производства, что наблюдается и в слоях группы III исследованного памятника.

Относительно поздние артефакты представлены обломками высокогорлых кувшинов с широкими плоскими ручками. Их распространение приходится на 60-80-е годы IX – финал XI вв. В этот же период, с запаздыванием примерно на четверть столетия, были распространены константинопольские белоглиняные поливные изделия группы GWW II.

Самые «молодые» керамические находки – тонкостенные горшки провинциально-византийского облика, коричневоглиняные крышки и тонкостенные сосуды закрытой формы с большим количеством дресвы прозрачных кристаллов кварца в тесте. Все они наиболее характерны для комплексов не ранее середины X – начала XI вв. с небольшим отклонением в сторону удреждения (первая половина X в.) для первых из них.

Таким образом, исходя из анализа керамики, «широкая» дата исследованных культурных отложений может быть предложена в рамках VII(?)–VIII – XI вв. Несколько уточнить её для разных групп слоев позволяют следующие наблюдения.

1. В наиболее раннем слое № 10 (группа III) встречено 4 фрагмента стенок высокогорлых кувшинов, обломок венчика тонкостенного горшка провинциально-византийского облика и днище сосуда закрытой формы с большим количеством дресвы прозрачных кристаллов кварца, которые, исходя из нынешних представлений о хронологии этих находок, приведенных выше, позволяют определить завершение формирования слоя № 10 временем не ранее первой половины – середины X в. С другой стороны, хронологическая позиция подавляющего большинства находок, а именно византийских амфор с МЗР, разнообразной продукции местных гончарных центров (среди которой довольно хорошо представлены ранние варианты «причерноморок» и ойнохой), свидетельствует о том, что основу слоя составляют продукты антропогенной деятельности, осуществлявшейся в промежутке с VIII – начала IX до середины IX – начала X вв.²²

2. В слоях группы II сохраняется высокая концентрация керамических находок, характерных для периода VIII–IX – первой половины (первой трети?)

²² Мизерное количество обломков высокогорлых кувшинов также характерно для комплексов конца IX – начала X в. (Могарычев и др. 2007: 106-107).

X вв. (разнообразная продукция местных гончарных мастерских с преобладанием среди амфор более поздних морфологических типов, кухонная ленточная керамика, единичные находки «салтовских» горшков, пр.) При этом значительно увеличилось количество обломков высокогорлых кувшинов и импортных тонкостенных сосудов провинциально-византийского облика, горшков с большим количеством дресвы прозрачных кристаллов кварца в тесте, появились фрагменты поливных белоглиняных изделий GWW II, а также своеобразные тонкостенные крышки большого диаметра. Все эти находки наиболее характерны для контекстов не ранее середины X – начала XI вв. (Майко 2002: 48-55; Майко 2014: 99-102; Нессель 2006; Рыжов, Седикова 1999: 325-326).

В то же время в напластованиях группы II отсутствуют обломки красноглиняных «грушевидных» амфор с венчиком в виде «отложного воротничка» (тип Пб по Н. Гюнсенин [Günsenin 1989: 271, fig. 5-7; 1990: 24-28]) и византийских сфероместных амфор (тип I по Н. Гюнсенин [Günsenin 1989: 269-271, fig. 2-4; 1990: 21-24, fig. 4]), которые являются ярким хронологическим маркером археологических комплексов Крыма второй половины – конца X–XI вв. (см. напр.: Булгаков 2000; Герцен, Науменко 2001: 138-139; Нессель 2006; Рыжов, Седикова 1999: 325-326 и др.).

Объяснить подобные противоречия довольно сложно. Возможно, фрагменты этих амфор в силу каких-то неизвестных причин не «осели» именно на исследованном участке средневековой свалки, что, конечно, выглядит довольно странно. Не исключено также, что представления о хронологии тонкостенной кухонно-столовой керамики второй половины средневизантийского периода, встречающейся на крымских памятниках, все еще не совершенны, что вполне реально. В связи с этим возможно, что процесс формирования изученной пачки культурных напластований завершился до появления в Южной части Горного Крыма упомянутых амфор, но после начала притока сюда указанной гончарной столовой и кухонной поливной и неполивной посуды, например во второй трети X в.

Реконструкция

На основании анализа полученных данных можно предложить предварительный вариант реконструкции процесса аккумуляции изученных средневековых культурных отложений.

До начала их формирования левый берег приустьевой части р. Ай-Лия, видимо, использовался человеком в позднеримский(?) – ранневизантийский период, о чем свидетельствует наличие в рассматриваемых напластованиях незначительного количества переотложенных фрагментов амфор, верхняя дата которых определяется VI–VII вв. Отсутствие профильных частей сосудов, а также стратифицированных культурных отложений этого времени не позволяет с уверенностью определить ни характер этой деятельности, ни ее точные хронологические рамки.

Наиболее ранняя часть исследованной пачки напластований (группа III, слой № 10) представляет

собой либо естественную делювиальную осыпь, в которую время от времени попадал бытовой мусор с жилищно-хозяйственных комплексов, располагавшихся выше по склону, либо отвал перемещенного грунта, образовавшийся в процессе нарезки площадки, на которой впоследствии были сооружены капитальные строения. Процесс формирования слоя № 10 завершился не ранее рубежа IX–X – первой половины X вв., однако основу его составили материалы VIII–IX – первой половины (первой трети?) X вв., что в целом указывает на более раннее время начала интенсивного освоения левого берега р. Ай-Лия – не позднее VIII – первой половины IX вв.

Примерно в первой половине – середине (?) X в. на территории, непосредственно прилегающей к береговому обрыву, был возведен новый комплекс строений (одним из его элементов, видимо, является кладка № 1 в юго-западной части шурфа). При этом, вероятно, в качестве стройматериала использовалось некоторое количество архитектурных деталей, взятых из слоя разрушения (или реконструкции) располагавшегося неподалеку христианского храма.

На протяжении всего периода существования поселения его население вело комплексное хозяйство. Было налажено кустарное железоделательное производство (в слоях №№ 4, 6, 9, 10 найдено значительное количество крицы). Практиковалось виноградарство и виноделие (обломки пифосов), скотоводство (фрагменты костей домашних мелких и крупных копытных), охота (обломки костей диких животных), морской промысел (створки морских моллюсков, кости рыб, свинцовое грузило). Велась прямая или опосредованная торговля с отдаленными районами Черноморско-Средиземноморского бассейна (фрагменты привозных амфор, обломки импортных кухонных и столовых сосудов).

О времени окончательного запустения поселения на левом берегу р. Ай-Лия с уверенностью судить сложно. Исходя из наиболее «поздних» находок керамики это произошло, вероятно, не ранее середины X в., а возможно и несколько позже. Материалы для уточнения хронологии памятника могли бы дать его дальнейшие исследования. Однако, с учетом сегодняшних реалий, осуществить их, видимо, не удастся. Большая часть столь информативного и ценного для изучения прошлого Крыма археологического объекта была скрыта тяжелой техникой в процессе масштабных земляных работ второй половины XX и в первые десятилетия XXI в. без каких бы то ни было наблюдений и предварительных исследований археологов. Незначительные уцелевшие периферийные участки все еще находятся под угрозой полного уничтожения. Как ни прискорбно, этот случай иллюстрирует судьбу многих расположенных на Южном берегу объектов культурного наследия Крыма, хранивших историческую память в течение тысячелетий и уничтожающихся нашими современниками за считанные дни.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. 1971. Средневековые амфоры Херсонеса. *АДСВ* 7, 81-101.
- Баранов И.А., Майко В.В. 1996. Комплексът салтовски съоръжения в Судакската крепост. В: Тодоров П. (отв. ред.). *Българите в Северното Причерноморие*. Т. 5. Велико Търново: Университетското издателство «Св. св. Кирил и Методий», 71-88.
- Баранов И.А., Майко В.В. 2000. Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII – первой половины X вв. В: Тодоров П. (отв. ред.). *Българите в Северното Причерноморие*. Т. 7. Велико Търново: Университетското издателство «Св. св. Кирил и Методий», 83-99.
- Булгаков В.В. 2000. Византийские амфоры IX–XIV вв.: основные типы. *Восточноевропейский археологический журнал* 4 (5) (<http://archaeologie.kiev.ua/journal/040700/bulgakov.htm>).
- Веймарн Е.В. *Отчет о работах Бахчисарайского горного отряда Тавроскифской экспедиции в 1947 г.* Научный архив Крымского филиала Института археологии НАНУ. Инв. А. № 1. Папка № 1.
- Веймарн Е.В. *Дневник археологических работ Бахчисарайского горного отряда Тавро-скифской экспедиции ИИМК АН СССР и ГМИ им. Пушкина 1947 г.* Научный архив Крымского филиала Института археологии НАНУ. Инв. А. № 1/3.
- Веймарн Е.В., Кацур К.П. Южнобережная полоса Крымского полуострова (Ласпи – Алушта) №№ 1-73. В: *Археологическая карта средневековых памятников Крыма [1952]*. Научный архив Крымского филиала Института археологии НАНУ. Инв. В. № 11.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И. 1993. *Скалистинский могильник*. Киев: Наукова думка.
- Волков И.В. 1992. Керамика Азова XIV–XVIII вв. (классификация и датировка). Автореф. дис. канд. ист. наук. Москва: МГУ.
- Волков И.В. 2005. Поливная керамика комплекса Кабарди. В: Бочаров С.Г., Мыц В.Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.*: Сборник научных трудов. Т. 1. Киев: ИД «Стилос», 122-159.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е. 2001. Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун. *АДСВ* 32, 127-147.
- Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. 2006. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп). *МАИЭТ XII*, 371-497.
- Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е. 2010. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX – начало X в.). *МАИЭТ XVI*, 240-295.
- Голофаст Л.А. 2001. Стекло ранневизантийского Херсонеса. *МАИЭТ VIII*, 92-260.
- Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. 2003. Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса. *МАИЭТ X*, 182-260.
- Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): исследования и материалы*. 2015. И.Б. Тесленко, А.Е. Мусин (ред.-сост.). Археологический альманах, № 33. Киев, в печати.
- Завадская И.А. 2010а. Проблемы изучения кровельного материала средневековых центров Юго-Западного Крыма. *ТГЭ LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX-XII веков. Материалы международного семинара 17-21 ноября 2009 года*. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 254-268.
- Завадская И.А. 2010б. К вопросу о назначении рельефных меток на средневековой черепице Крыма. *Боспорские чтения. XI. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы*. Керчь, 142-144.
- Залеская В.Н. 1984. Византийские белоглиняные расписные кружки и киликовидные чашки. *СА* (4), 117-123.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. 1999. Гончарная керамика VIII–IX веков с сельской округи Боспора. В: Федосеев Н.Ф. (ред.-сост.). *Археология и история Боспора*. Т. III. Керчь: [s.n.], 185-211.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. 2005. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка–2 у пос. Эльтиген. В: Айбабин А.И. (гл. ред.). *Боспорские Исследования X*, 236-267.
- Коваль В.Ю. 2010. *Керамика Востока на Руси: конец IX-XVII века*. Москва: Наука.
- Контрольный фото-альбом Бахчисарайского горного отряда ТСЭ 1947 г.* Научный архив Крымского филиала Института археологии НАНУ. Инв. А. № 1/8.
- Лысенко А.В., Тесленко И.Б. *Отчет о разведках на территории Алуштинского горсовета в 2005 г.* Научный архив Крымского филиала Института археологии НАНУ. Кн. 5. П. 1413. № 1066.
- Майко В.В. 2000. Керамический комплекс VIII–X вв. праболгарского городища Тепсень в Юго-Восточном Крыму (предварительная типология). В: Тодоров П. (отв. ред.). *Българите в Северното Причерноморие*. Исследования и материалы. Велико Търново: Университетското издателство «Св. св. Кирил и Методий», 101-123.
- Майко В.В. 2002. К вопросу о зольнике Алустона второй половины X в. В: Рудницкая В.Г., Тесленко И.Б. (ред.-сост.). *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней*. Киев: Стилос, 48-58.
- Майко В.В. 2004. *Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму*. Киев: Академперіодика.
- Майко В.В. 2009. Археологические материалы для реконструкции посада раннесредневековой Сугдеи. В: Кадеев В.И. (гл. ред.). *Древности* 8, 263-272.
- Майко В.В. 2012. Сугдея во второй половине VII – первой половине VIII вв. Обзор археологической ситуации. В: Свистун Г.Є. (ред.). *Салтово-маяцька архео-*

- логічна культура: проблеми та дослідження: зб. наук. праць. Харків: О.О. Савчук, 54-62.
- Майко В.В. 2014. *Восточный Крым во второй половине X–XII вв.* Киев: Видавець Олег Філюк.
- Макарова Т.И. 1967. *Поливная посуда: Из истории керамического импорта и производства Древней Руси.* Свод археологических источников. Вып. Е1-38. Москва: Наука.
- Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. 2007. *Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода».* Симферополь: АнтикВА.
- Моисеев Д.А. 2011. Археологический комплекс строительной керамики IX–X вв. из раскопок поселения в Лагерной Балке (Мангуп). *Древности 10*, 172-190.
- Моисеев Д.А. 2012. Новые средневековые гончарные центры на южной периферии Мангупского городища (округа г. Илька): предварительные результаты. *I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции (Бахчисарай, 5-7 сентября 2012 г.)*. Бахчисарай, 46-48.
- Науменко В.Е. 1997. Раскопки раннесредневекового поселения у подножья Мангупа. В: Храпунов И.Н. (ред.-сост.). *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Вып. 1. Симферополь, 324-340.
- Науменко В.Е. 2009а. Пифосы. В: Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. *Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв.* Симферополь; Керчь: ИД «АДЕФ-Украина», 32-35.
- Науменко В.Е. 2009б. Амфоры. В: Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. *Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв.* Симферополь; Керчь: ИД «АДЕФ-Украина», 35-50.
- Науменко В.Е. 2009в. Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками. В: Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. *Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв.* Симферополь; Керчь: ИД «АДЕФ-Украина», 50-58.
- Науменко В.Е. 2009г. Фляги. В: Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. *Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв.* Симферополь; Керчь: ИД «АДЕФ-Украина», 58-60.
- Науменко В.Е. 2009д. Столовая посуда. В: Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. *Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв.* Симферополь; Керчь: ИД «АДЕФ-Украина», 60-64.
- Науменко В.Е. 2009е. Кухонная салтово-маяцкая посуда. В: Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. *Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв.* Симферополь; Керчь: ИД «АДЕФ-Украина», 67-70.
- Нессель В.А. 2006. Керамический комплекс. В: Бернацки А.Б., Кленина Е.Ю. (ред.). *Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна в квартале VII (IX–XI вв.)*. Хсб. Sup. I. Севастополь: ИД Максимум, 95-139.
- Новиченкова Н.Г. 2005. Комплекс находок из раскопок христианских культовых сооружений на Гурзуфском Седле. В: Петренко Л.В. (ред.-сост.). *VIII Дмитриевские чтения (27-28 марта 2003 г.)*. История южного берега Крыма: Сборник научных трудов. Симферополь: ИПЦ «Магистр», 16-20.
- Паршина Е.А. 1974. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965-1969 гг.). В: Бибииков С.Н. (отв. ред.). *Феодальная Таврика*. Киев: Наукова думка, 56-94.
- Плетнева А.С. 1999. *Очерки хазарской археологии*. Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим.
- Пономарев Л.Ю. 2003. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное. В: Зинько В.Н. (ред.-сост.). *Боспорские исследования III*, 264-282.
- Пономарев Л.Ю. 2004. Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген. В: В.Н. Зинько (ред.-сост.). *Боспорские исследования V*, 445-475.
- Романчук А.И. 2000. *Очерки истории и археологии Византийского Херсона*. Екатеринбург: УрГУ.
- Романчук А.И. 2004. *Строительные материалы византийского Херсона*. Екатеринбург: УрГУ.
- Романчук А.И., Омелькова Л.А. 1979. Средневековое поселение на левом берегу реки Бельбек. *АДСВ 16: Социальное развитие Византии*, 94-118.
- Романчук А.И., Седикова Л.В. 1991. «Темные века» и Херсон: Проблемы репрезентативности источников. В: Толочко П.П. (отв. ред.). *Византийская Таврика: Сборник научных трудов (к XVIII конгрессу византистов)*. Киев: Наукова думка, 30-46.
- Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. 1995. *Амфоры из комплексов византийского Херсона*. Екатеринбург: УрГУ.
- Рыжов С.Г., Седикова Л.В. 1999. Комплексы X века из раскопок квартала X «б» северного района Херсонеса. *Хсб. X*, 312-329.
- Седикова Л.В. 1993. Столовая посуда первой половины IX в. из засыпи водохранилища в Херсонесе. *МАИЭТ III*, 134-136.
- Седикова Л.В. 1995. Керамический комплекс первой половины IX века из раскопок водохранилища в Херсонесе. *РА (2)*, 170-177.
- Седикова Л.В. 1996. Керамический комплекс 2-й половины IX в. из цитадели в Херсонесе. В: Могаричев Ю.М., Храпунов И.Н. (ред.-сост.). *Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма*. Симферополь: Таврия, 123-124.
- Седикова Л.В. 1997. *Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в.* Автореф. дис. канд. ист. наук. Москва.
- Скобелев Ю.Н. Археологическая разведка средневековых поселений в окрестностях посёлка Малый Маяк Алуштинского района в 1969 г. В: *Отчет об археологических исследованиях на Южном берегу Крыма с 1965 по 1969 гг.* Научный архив Крымского филиала Института археологии НАНУ. Инв. № 547. Папка № 911. 301-310 с.
- Таллис Д.Л. 1976. Поливная керамика Баклинского городища. *СА (4)*, 63-87.
- Тесленко И.Б. 2010. Господарська керамічна тара Таврії XV ст. В: Титова О.М. *та ін.* (ред.). *Праці цен-*

тру пам'яткознавства: збірн. наук. праць. Вип. 17. Київ: Центр пам'яткознавства НАНУ і УТОПІК, 95-106.

Тесленко И.Б., Алядинова Д.Ю. 2013. Исследования в урочище Сотера в 2012 г. В: Козак Д.Н. (гол. ред.). *АДУ 2012*. Київ-Луцьк, 102-102.

Турова Н.П. 2013. Пещерный христианский комплекс Иограф на юге Крыма. В: *Stratum plus* 6, 79-105.

Фронджуло М.А. 1968. Раскопки средневекового поселения на окраине Планерское 1957-1959 гг. В: Домбровский О.И. (ред.). *Археологические исследования средневекового Крыма*. Киев: Наукова думка, 99-132.

Якобсон А.Л. 1966. Средневековые пифосы Северного Причерноморья. *СА* (2), 189-202.

Якобсон А.Л. 1970. *Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики*. Материалы и исследования по археологии СССР 168. Ленинград: Наука.

Якобсон А.Л. 1979. *Керамика и керамическое производство средневековой Таврики*. Ленинград: Наука.

Acara M., Olcaç B.Y. 1998. *Bizans Döneminde Aydınlatma. Düzeni ve Demre Aziz Nikolaos Kilisesi'nde Kullanılan Aydınlatma Gereçleri*. *Adalya* 2, 249-266.

Günsenin N. 1989. Recherches sur les amphores byzantines dans les musées turcs. *BCH XVIII*, 267-276.

Günsenin N. 1990. *Les amphores Byzantines (Xe-XIIIe siècle): Typologie, production, circulations d'après les collections turques*. Thèse de doctorat en archéologie. Université Paris I - Panthéon-Sorbonne. 2 vol. Paris.

Hayes J.W. 1992. *Excavations at Sarachane in Istanbul*. Vol. 2: *The Pottery*. Princeton, N.J.: Princeton University Press; Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.

Jennings S. 2010. A group of glass ca. 800 A.D. from tower 2 on the Western Defences, Butrint, Albania. In: Drauschke J., Keller D. (eds.). *Glass in Byzantium: production, usage, analyses: international workshop organised by the Byzantine Archaeology Mainz, 17th-18th of January 2008, Römisch-Germanisches Zentralmuseum*.

Römisch-Germanisches Zentralmuseum Tagungen 8. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums; Regensburg: Schnell und Steiner, 225-236.

Negrelli C. 2012. L'Adriatico ed il Mediterraneo Orientale tra il VII e il IX secolo: vasellame e contenitori da trasporto per la storia economica dell'altomedioevo. In: *Atti del IX Congresso Internazionale sulla Ceramica Medievale nel Mediterraneo, Venezia, 23-27 novembre 2009 / a cura di Sauro Gelichi*. Venezia. P. 159-161.

Pelletier J.-P. 1997. Les céramiques communes Grises en Provence de l'Antiquité tardive au XIIIe siècle. In: Démians d'Archimbaud G. (éd.). *La céramique médiévale en Méditerranée. Actes du VIe congrès de l'Association Internationale pour l'étude des céramiques médiévales méditerranéennes (AIECM2) Aix-en-Provence (13-18 novembre 1995)*. Aix-en-Provence: Narration Editions, 111-124.

Saguì L., Ricci M., Romei D. 1997. Nuovi dati ceramologici per la storia economica di Roma tra VII e VIII secolo. In: Démians d'Archimbaud G. (éd.). *La céramique médiévale en Méditerranée. Actes du VIe congrès de l'Association Internationale pour l'étude des céramiques médiévales méditerranéennes (AIECM2) Aix-en-Provence (13-18 novembre 1995)*. Aix-en-Provence: Narration Editions, 35-48.

Teslenko I. 2009. Vessel for Wine-storage from Archaeological Complexes of the 14th-15th centuries in the Crimea. In: Zozaya Stabel-Hansen J., Retuerce Velasco M., Hervás Herrera M.A., de Juan García A. (eds.). *Actas del VIII Congreso Internacional de Cerámica Medieval en el Mediterráneo (Ciudad Real-Almagro, del 27 de febrero al 3 de marzo de 2006)*. T. 2. Ciudad Real: Asociación Española de Arqueología Medieval, 869-880.

Vroom J. 2005. *Byzantine to modern pottery in the Aegen – 7th to 20th century*. Bijleveld: Parnasus press.

Vroom J. Early medieval pottery finds from recent excavations at Butrint, Albania. In: *Atti del IX Congresso Internazionale sulla Ceramica Medievale nel Mediterraneo, Venezia, 23-27 novembre 2009 / a cura di Sauro Gelichi*. Venezia, 289-296.

І.Б. Тесленко; О.В. Лисенко

СЕРЕДНЬОВІЧНЕ ПОСЕЛЕННЯ НА ЛІВОМУ БЕРЕЗІ Р. АЙ-ЛІЯ (По матеріалам досліджень 2005 р.)

У статті представлені матеріали дослідження середньовічного поселення, розташованого на лівому березі річки Ай-Лія (Ла-Ілля, Кара-Узень), на березі Чорного моря, приблизно в 1,2 км на південний схід від села Малий Маяк Алуштинської міськради (АРК). У 2005 р. розвідувальним загоном Гірсько-Кримської експедиції КФ ІА НАНУ на поселенні проводилося шурфування.

На підставі аналізу отриманих даних вдалося встановити, що процес інтенсивного освоєння лівого берега р. Ай-Лія почався не пізніше VIII – першої половини IX ст. Приблизно в першій половині – середині (?) X ст. на території поселення спостерігається новий етап будівельної активності, зокрема, з'являється новий комплекс будівель вздовж берегових круч.

Протягом усього періоду існування поселення його мешканці вели комплексне господарство. Було налагоджено кустарне залізобудування, практикувалося виноградарство і виноробство, скотарство, полювання, морський

промисел. Велася пряма або опосередкована торгівля з віддаленими районами Чорноморсько-Середземноморського басейну.

Про час остаточного запусіння поселення на лівому березі р. Ай-Лія з упевненістю судити складно. Виходячи з найбільш «молодих» знахідок кераміки це сталося, ймовірно, не раніше середини X ст., а можливо і дещо пізніше.

Ключові слова: Крим, Південній берег, річка Ай-Лія, поселення VIII–X ст., провінційно-візантійська культура.

I.B. Teslenko, A.V. Lysenko

**MEDIEVAL SETTLEMENTS ON THE LEFT BANK OF AY-LIA RIVER
(Based on the Investigations in 2005)**

This article presents the study of medieval settlement located on the left bank of the Ay-Lia river (La Ilya, Kara-Uzen) on the Black Sea coast, approximately 1,2 km to south-east from the village Malyi Mayak (Alushta city council, Crimea). In 2005 the reconnaissance group of the Mountain Crimean expedition of CB IA NUAS had made some reconnaissance pit on the settlement.

Based on the analysis of findings it was found out that the process of intensive anthropogenic development of the left bank of Ay-Lia river began no later than the 8th – first half of the 9th centuries. Approximately near the first half – middle(?) of the 10th century a new stage of building activity on the territory of the settlement was started. In particular, a new complex of buildings appeared in the coastal cliffs along the beach.

Throughout the period of the settlement life its population led complex economy. Was established handicraft iron production, were practiced viticulture and winemaking, herding, hunting, marine craft; conducted direct or indirect trade with distant regions of the Black Sea and the Mediterranean basin.

Now it is difficult to determine when the settlement on the left bank of the Ay-Lia River ceased to exist. Based on the «youngest» ceramic finds this could have happened probably not before the middle of the 10th century or bit later.

Keyword: Crimea, South Beach, the Ay-Lia river, settlement of the 8th-10th century, Provincially-Byzantine culture.

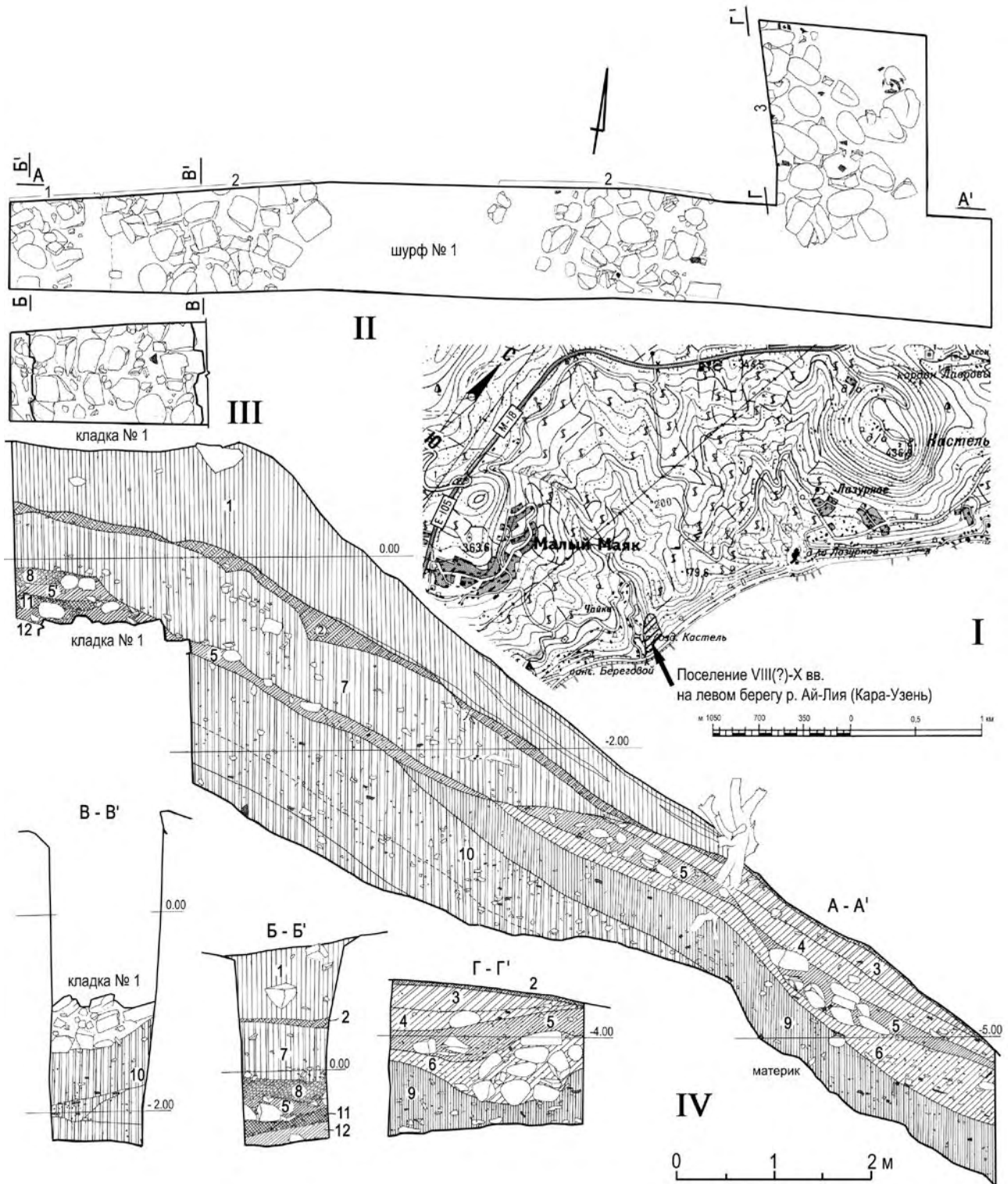

Рис. 1. Поселение VIII(?)–X вв. на левом берегу р. Ай-Лия (Кара-Узень):
 I – местоположение; II – шурф 1, план; III – кладка № 1, план; IV – стратиграфические разрезы.

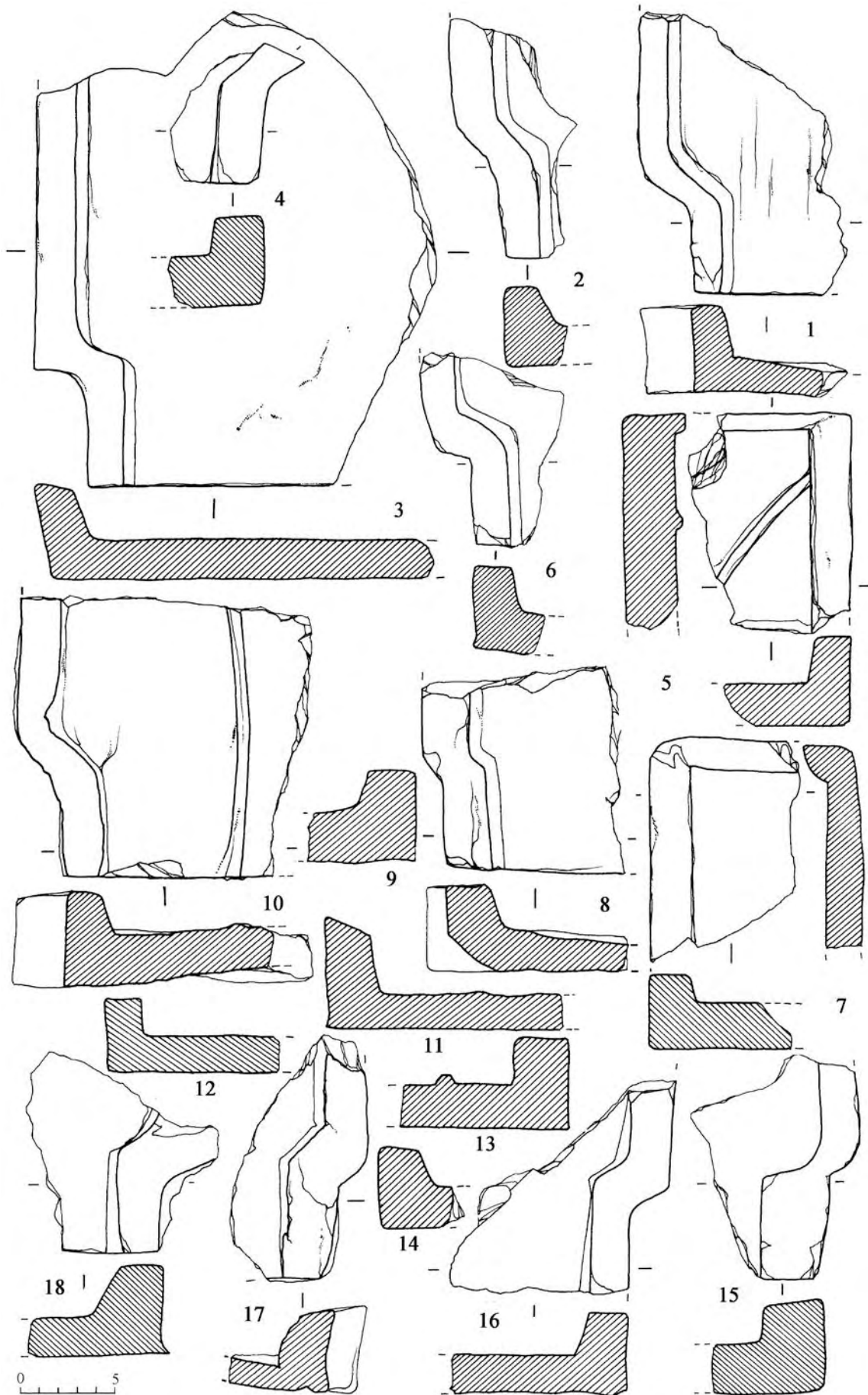

Рис. 2. Поселение на левом берегу р. Ай-Лия (Кара-Узень). Фрагменты керамид.

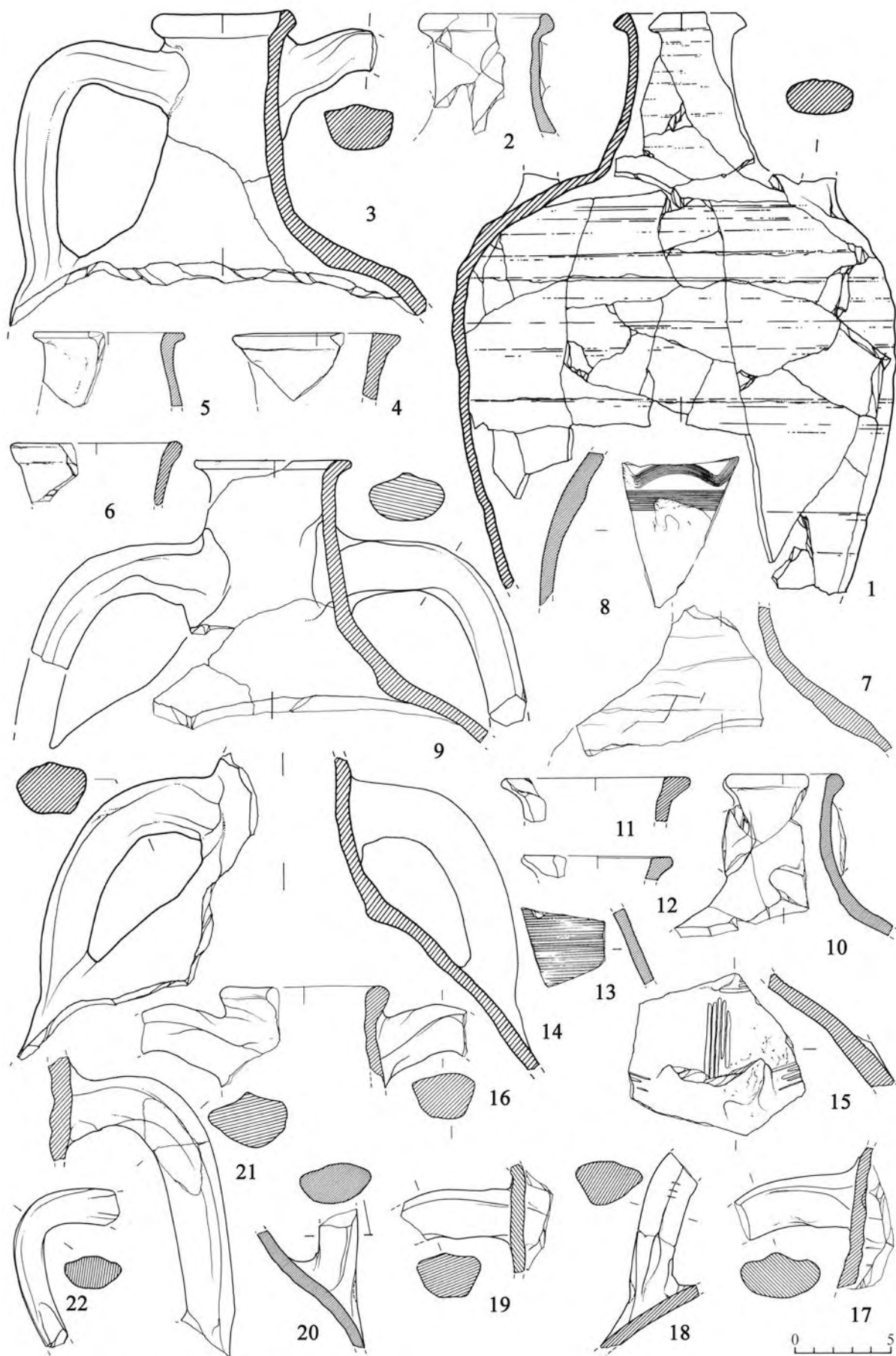

Рис. 3. Поселение на левом берегу р. Ай-Лия (Кара-Узень). Обломки красноглиняных амфор.

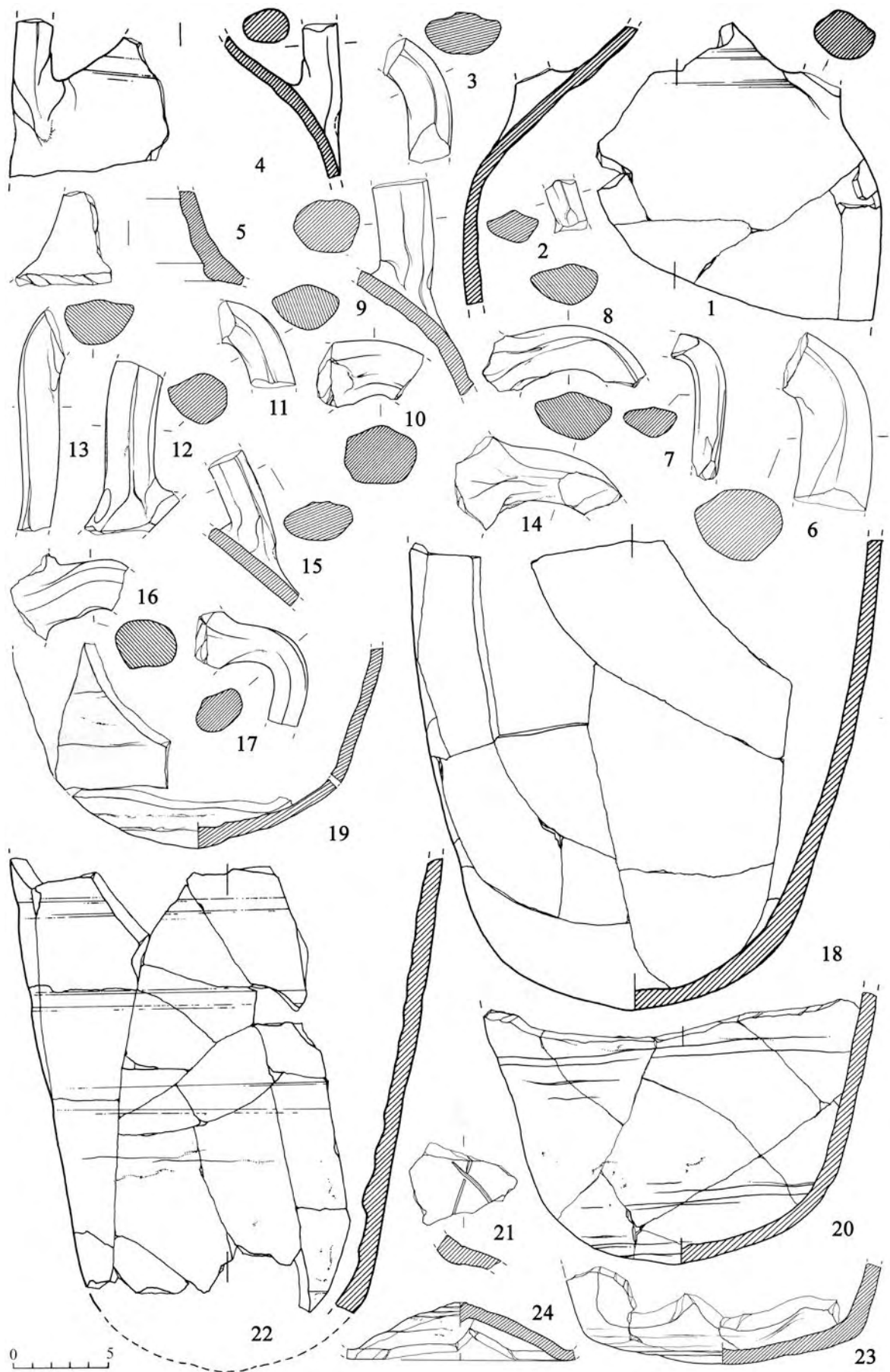

Рис. 4. Поселение на левом берегу р. Ай-Лия (Кара-Узень). Обломки амфор «причерноморского» типа.

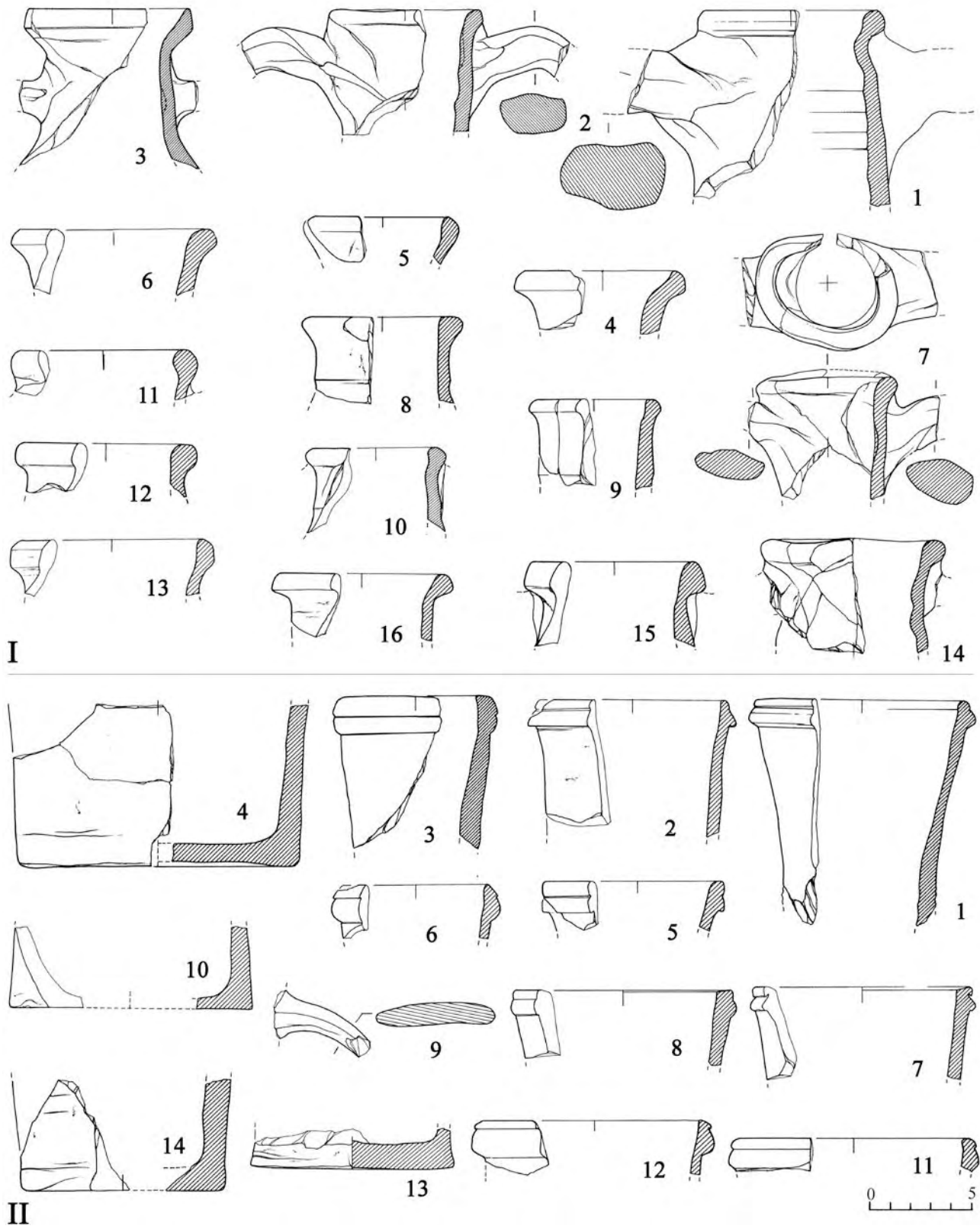

Рис. 5. Поселение на левом берегу р. Ай-Лия (Кара-Узень). Обломки амфор «причерноморского» типа (I) и «высокогорлых кувшинов с плоскими ручками» (II).

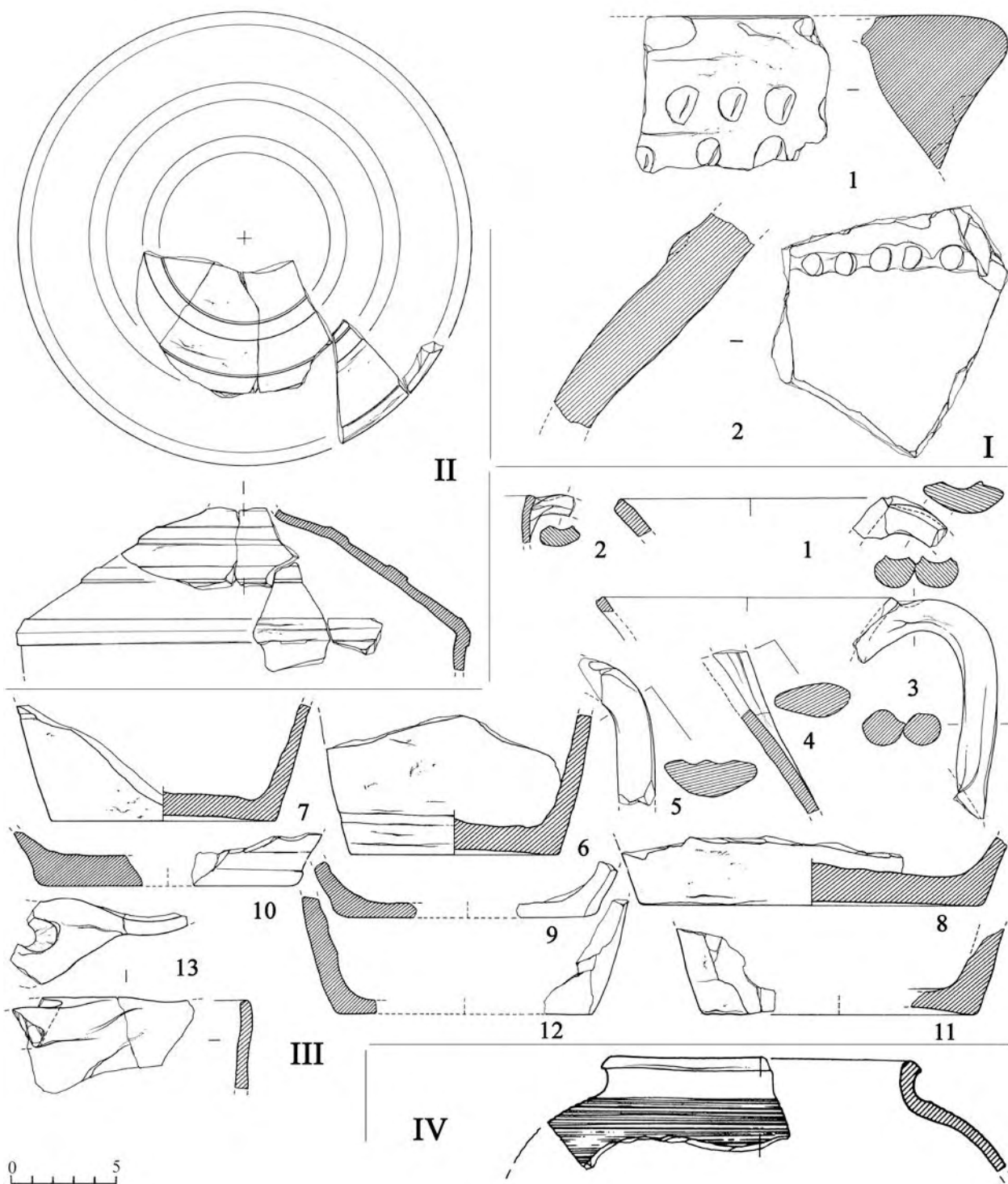

Рис. 6. Поселение на левом берегу р. Ай-Лия (Кара-Узень). Фрагменты керамических сосудов:
 I – красноглиняных пифосов; II – фляги; III – красноглиняных сосудов закрытой формы;
 IV – сегорлиняного «салтово-маяцкого» горшка.

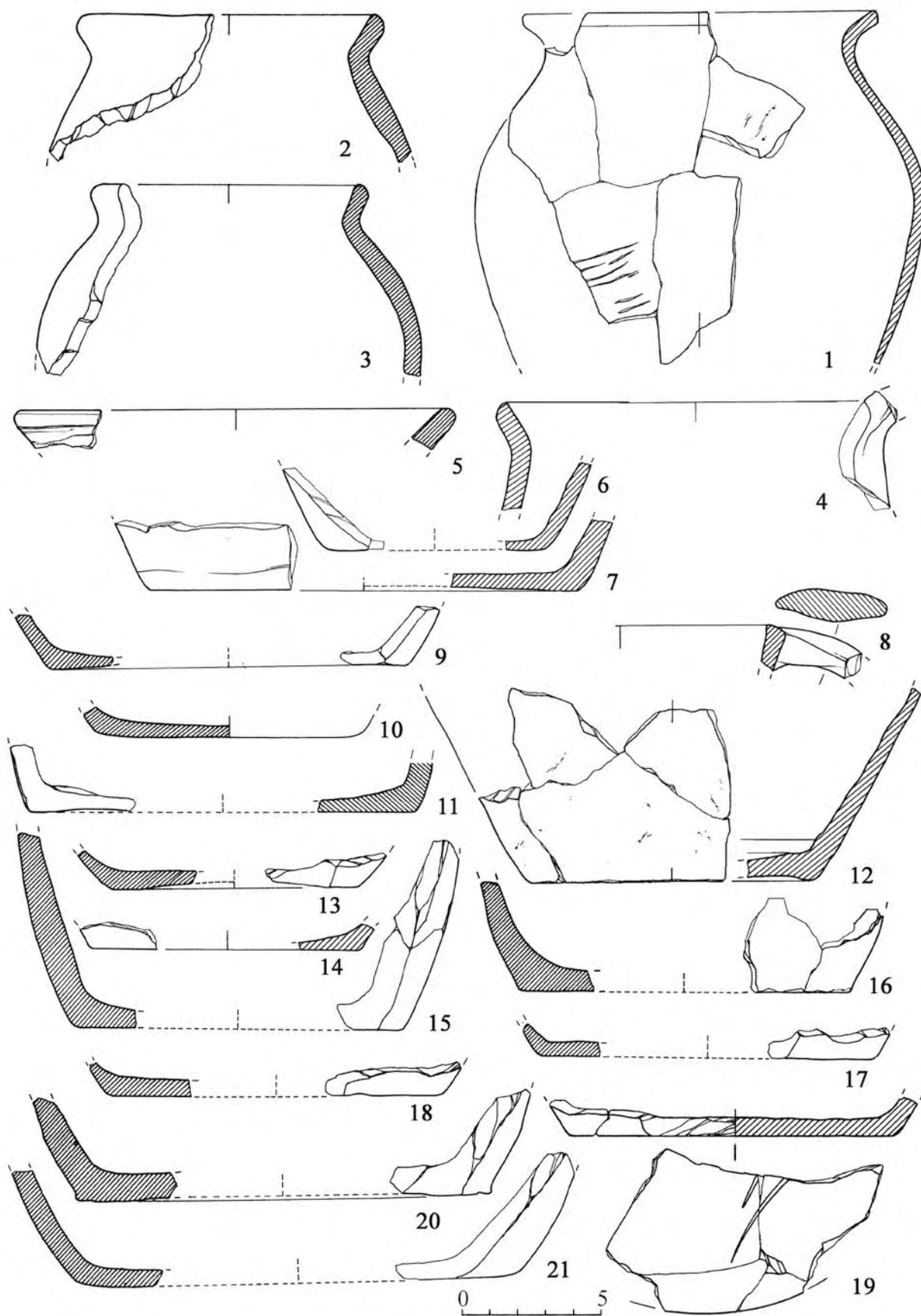

Рис. 7. Поселение на левом берегу р. Ай-Лия (Кара-Узень). Обломки коричневоглиняных горшков.

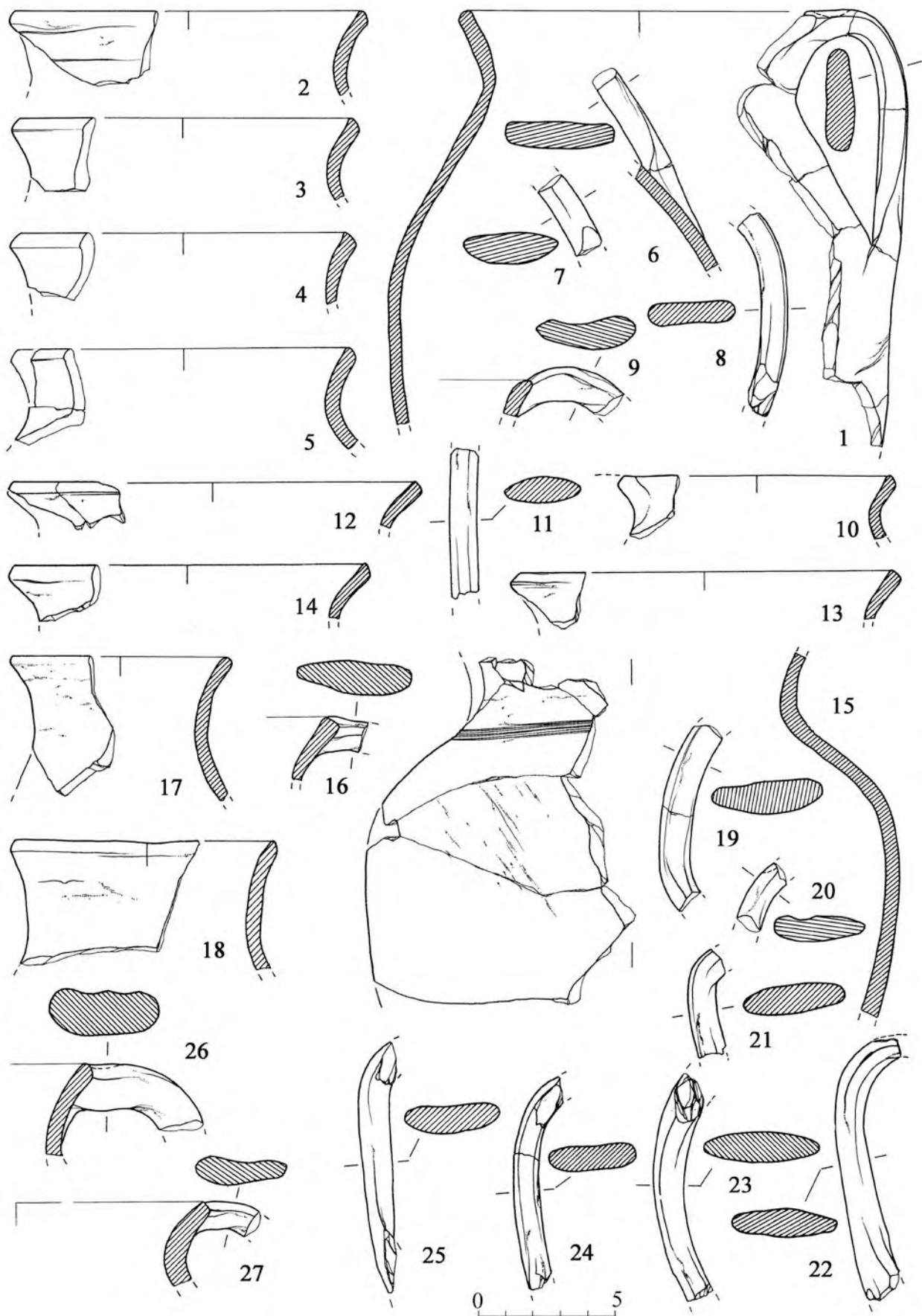

Рис. 8. Поселение на левом берегу р. Ай-Лия (Кара-Узень).
Обломки коричневоглиняных горшков и кувшинов.

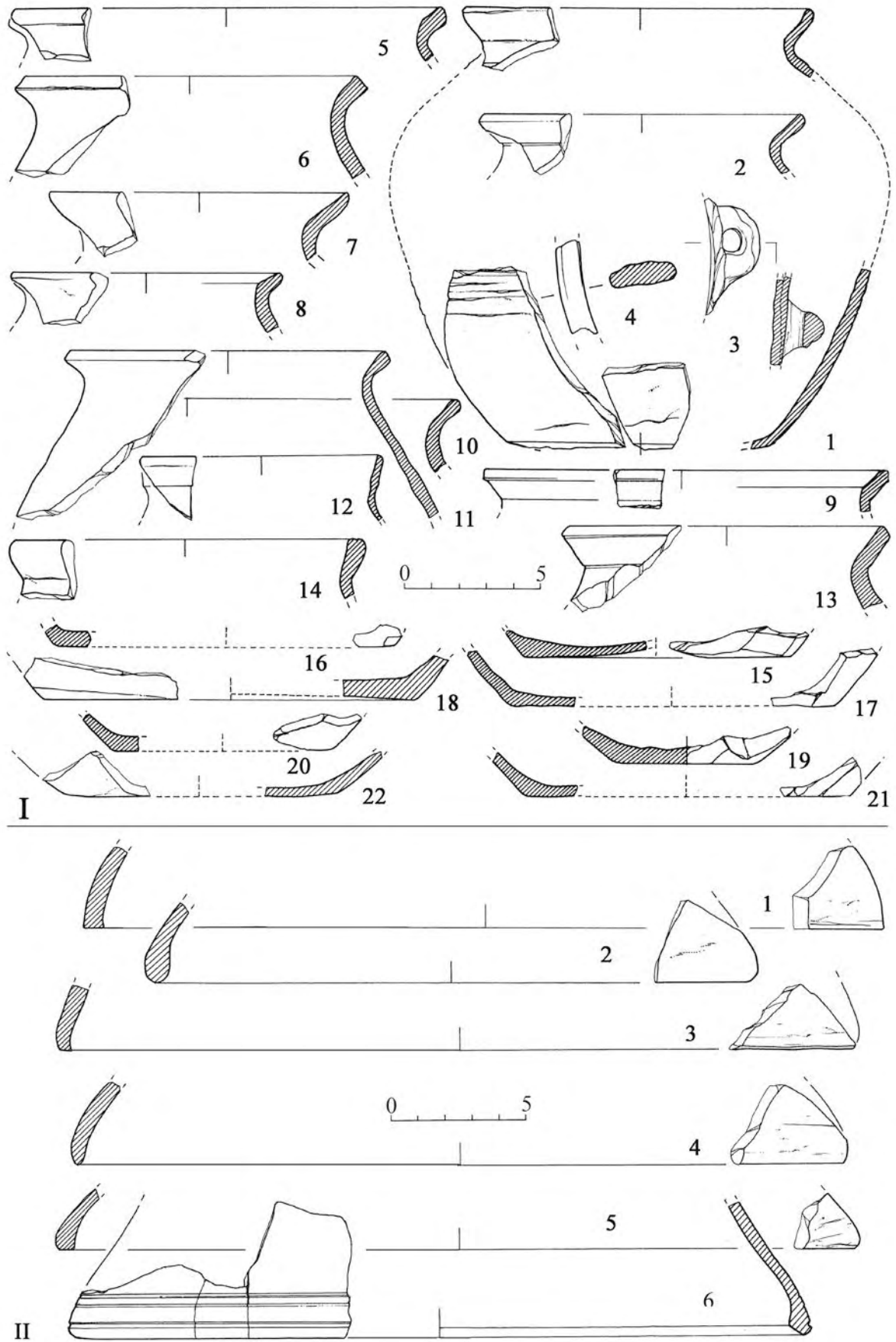

Рис. 9. Поселение на левом берегу р. Ай-Лия (Кара-Узень). Фрагменты тонкостенных гончарных сосудов закрытой формы (I) и крышек (II).

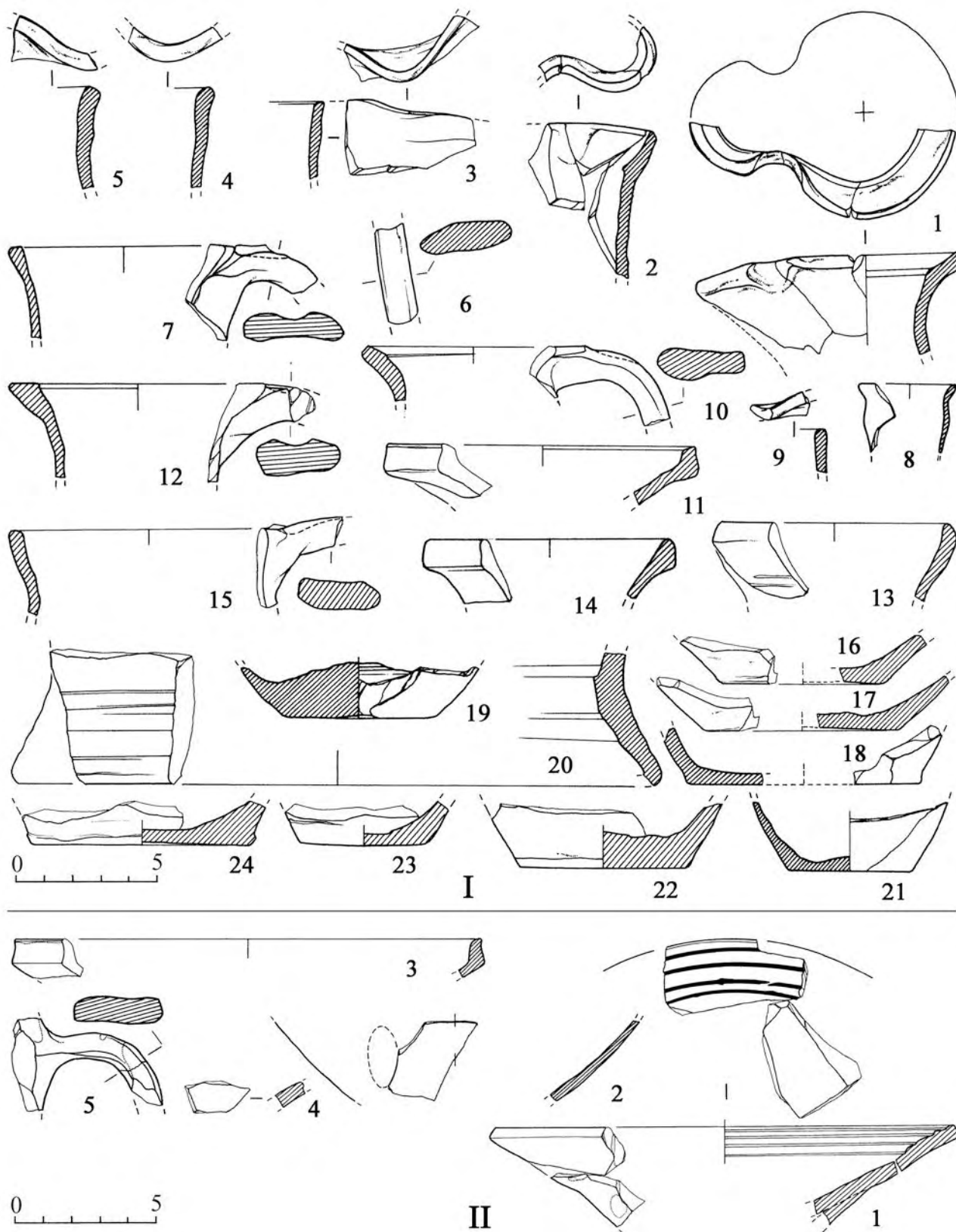

Рис. 10. Поселение на левом берегу р. Ай-Лия (Кара-Узень). Обломки красноглиняных кувшинов и неопределенных сосудов закрытой формы (I); фрагменты белоглиняных (1-4) и красноглиняных (5) поливных изделий (II).

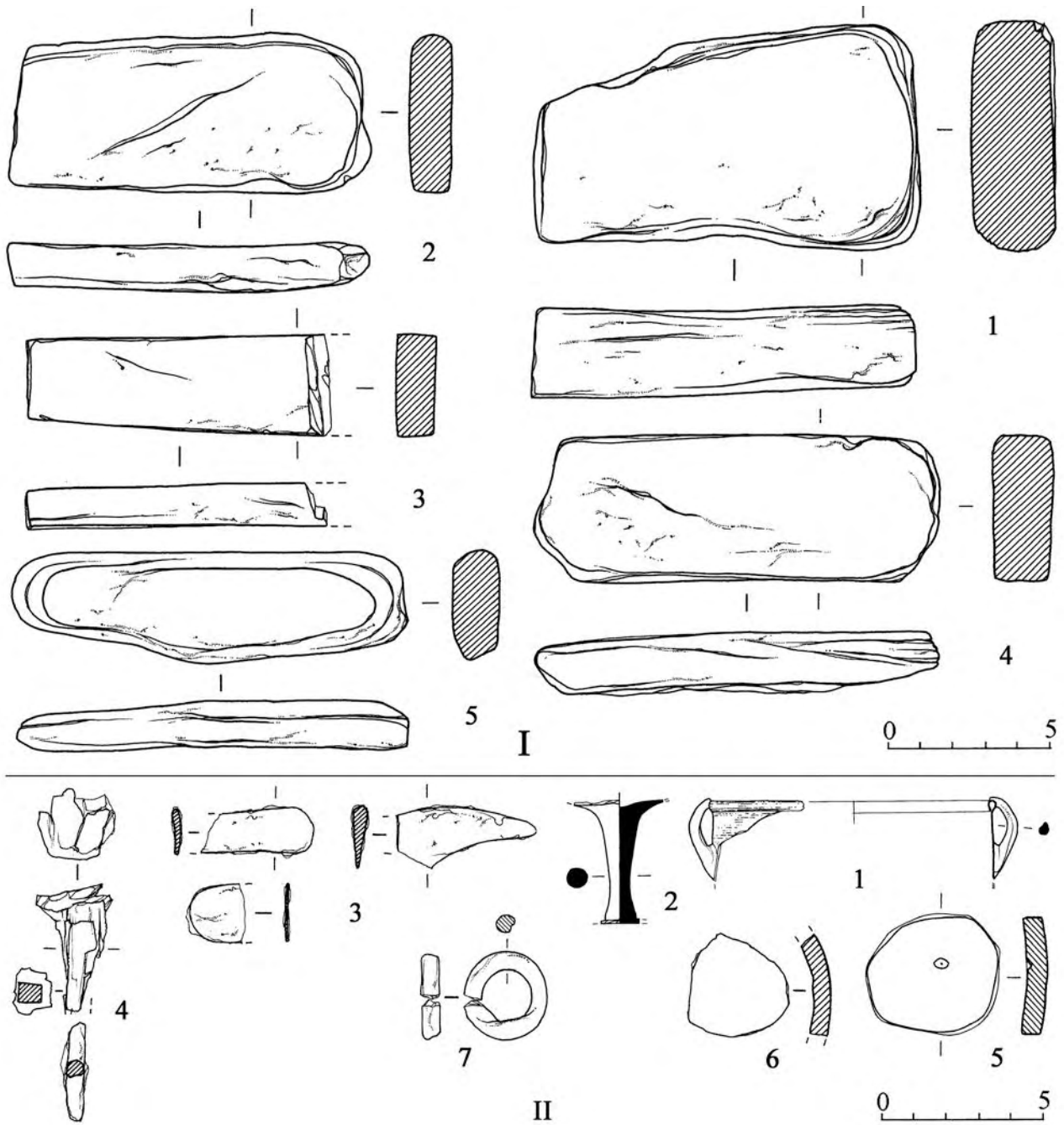

Рис. 11. Поселение на левом берегу р. Ай-Лия (Кара-Узень).
Песчаниковые оселки (I); изделия из стекла (1, 2) и стенок керамических сосудов (5, 6); свинца (7) и железа (3, 4) (II).